

Наталья **БЕСТЕМЬЯНОВА**

Игорь **БОБРИН**

Андрей **БУКИН**

ТАНГО
НАШЕЙ
ЖИЗНИ

**ПАРА,
В КОТОРОЙ
ТРОЕ**

Наталья Бестемьянова

**Танго нашей жизни:
Пара, в которой трое**

«WebKniga»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 75.719.68ю14

Бестемьянова Н. Ф.

Танго нашей жизни: Пара, в которой трое / Н. Ф. Бестемьянова —
«WebKniga», 2017

ISBN 978-5-96-911665-8

"В прошлом году мы узнали, что тираж нашей книги закончился. Вдруг я услышала: "Ой, а мы не прочли, а можно нам хотя бы экземпляр?» И тут я понимаю, книги нашей больше нет. Мне стало обидно. Ну, как же так? Люди хотят о нас почитать, значит, надо, чтобы она была. А раз у нас есть такая возможность, то лучше ее продолжить и издать». Книга, о которой говорит Наталья Бестемьянова, называлась "Пара, в которой трое». Писалась она в два приема, с десятилетним интервалом между изданиями. Так что нынешний подход снова через десятилетие, но уже не к пишущей машинке, а к компьютеру, — третий по счету. Биографии трех великих фигуристов продолжаются, они, как и прежде, на льду. Созданный и прославленный ими на весь мир Театр ледовых миниатюр под руководством Игоря Бобриня отметил уже тридцатилетие, а звездная пара театра, олимпийские чемпионы Наталья Бестемьянова и Андрей Букин катаются вместе уже больше сорока лет! На подходе новый спектакль "Эрмики» (кто не знает, эрмики — это эрмитажные коты, официальные хранители музейной коллекции от грызунов). А ставить этот удивительный ледовый балет будет знаменитый оперный режиссер Дмитрий Бертман... Так что опять у книги не последняя глава, продолжение последует.

УДК 821.161.1-3
ББК 75.719.68ю14

ISBN 978-5-96-911665-8

© Бестемьянова Н. Ф., 2017

© WebKniga, 2017

Содержание

Информация от издательства	6
Предисловие	7
Часть первая. Наташа и Андрей	9
Наташа, пока без Андрея	9
Андрей, пока без Наташи	17
Встреча	24
От Вены до Сараева (1978–1984)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Бестемьянова, Игорь Бобрин, Андрей Букин Танго нашей жизни

Информация от издательства

Бестемьянова, Н. Ф., Бобрин, И. А., Букин, А. А.

Танго нашей жизни: Пара, в которой трое / Наталья Филимоновна Бестемьянова, Игорь Анатольевич Бобрин, Андрей Анатольевич Букин; предисловие Виталия Мелик-Карамова. – М.: Время, 2018.

ISBN 978-5-9691-1665-8

«В прошлом году мы узнали, что тираж нашей книги закончился. Вдруг я услышала: «Ой, а мы не прочли, а можно нам хотя бы экземпляр?» И тут я понимаю, книги нашей больше нет. Мне стало обидно. Ну, как же так? Люди хотят о нас почитать, значит, надо, чтобы она была. А раз у нас есть такая возможность, то лучше ее продолжить и издать». Книга, о которой говорит Наталья Бестемьянова, называлась «Пара, в которой трое». Писалась она в два приема, с десятилетним интервалом между изданиями. Так что нынешний подход снова через десятилетие, но уже не к пишущей машинке, а к компьютеру, – третий по счету. Биографии трех великих фигуристов продолжаются, они, как и прежде, на льду. Созданный и прославленный ими на весь мир Театр ледовых миниатюр под руководством Игоря Бобринина отметил уже тридцатилетие, а звездная пара театра, олимпийские чемпионы Наталья Бестемьянова и Андрей Букин катаются вместе уже больше сорока лет! На подходе новый спектакль «Эрмики» (кто не знает, эрмики – это эрмитажные коты, официальные хранители музейной коллекции от грызунов). А ставить этот ледовый балет они будут в содружестве со знаменитым оперным режиссером Дмитрием Бертманом. Так что опять у книги не последняя глава, продолжение последует.

© Н. Ф. Бестемьянова, И. А. Бобрин, А. А. Букин, 2018

© В. Вяткин, фото на обложке, 2018

© Оформление, «Время», 2018

Предисловие

Не принято писать предисловие журналисту, помогавшему авторам книги, проще говоря, литзаписчику. Но в данном случае мы нарушим традицию, тем более что пока рождалась рукопись, вместившая в себя истории жизни трех знаменитых чемпионов, традиции нарушались неоднократно.

Прежде всего сами авторы, они же и герои книги, максимально запутали любителей фигурного катания своими биографиями. Вопреки устоявшимся правилам Наталья Бестемьянова не вышла замуж за своего партнера Андрея Букина, а выбрала спутником жизни Игоря Бобрин.

Наверное, я был первым, кто рассказал о новой танцевальной паре Бестемьянова – Букин, созданной провидческим талантом великого тренера Татьяны Анатольевны Тарасовой. Нетрудно догадаться, что все это время жизнь Наташи и Андрея проходила, как говорится, у меня на глазах. С Игорем мы близко познакомились в начале восьмидесятых, когда был создан первый в стране профессиональный театр из звезд фигурного катания (невероятный прорыв!), которых тогда ханжески называли любителями. Так что никаких секретов у авторов от литзаписчика не имелось.

Обычно подобного рода биографии пишутся довольно быстро. Мы же записали первую кассету 20 мая 1986 года. Отчего такая точность? В тот солнечный московский день мы с Наташей вернулись к ней домой с похорон Людмилы Пахомовой. Вот почему эта дата запомнилась навсегда.

По многим причинам уже готовая к концу восьмидесятых к изданию книга так и не вышла. По инициативе Наташи мы вернулись к ней через десять с лишним лет. А за эти годы в биографии авторов многое изменилось. Игорь Бобрин, знаменитый Ковбой, уже отпраздновал пятидесятилетие, затем вместе с участниками и создателями знаменитого телешоу «Звездный лед», главным хореографом которого он был, – и пятидесятипятилетие.

Игорь сам создал свой ледовый театр, набрал труппу и поставил около двух десятков балетов. В 2006 году Театр ледовых миниатюр справил свой двадцатилетний юбилей!

Бобрин за эти годы стал еще и успешным хореографом у элиты фигурного катания. Наташа Бестемьянова – не только солистка Театра ледовых миниатюр, она взвалила на себя всю его огромную организационную составляющую, оставив мужу свободу для творчества. Мне трудно такое представить, но в 2009-м Наташа отпраздновала свой первый юбилей.

Большие изменения произошли и в жизни Андрея. Его маленький, когда писалась первая часть книги, сын Андрюшка – уже взрослый человек, а у Андрея-старшего растет второй сын – Ваня.

Букин сперва отказался работать над продолжением книги, хотя все время находился рядом. Помыкавшись год чиновником Спорткомитета, он вернулся на лед к своей партнерше. Все эти годы он как был, так и остается ближайшим другом Бобрин.

Если в своих высказываниях по одному и тому же поводу Наташа и Андрей в первой части книги порой не совпадали, то Игорь и Наташа во второй части, рассказывая о чем-то, почти всегда в оценках оказывались единодушны. В конце концов, Андрей присоединился к своим друзьям по жизни и коллегам по театру. Но Букин не остался бы Букиным, если бы по-прежнему на любой предмет не имел бы свой взгляд.

Могу только заметить, что человеческие и профессиональные отношения между героями книги таковы, что ее название полностью себя оправдывает. Каждый из них не только великодушный спортсмен, но и верный товарищ, добрый и порядочный человек. Сочетание таких качеств у обычных людей встречается нечасто, у чемпионов – крайне редко.

Все стихи, помещенные в этой книге, принадлежат перу Бобрина. Точнее, раннего Бобрина. Вот и все, что я хотел сказать, остальное вы узнаете, листая страницы дальше.

Постскриптум

В перечне благодарностей в конце книги Наташа, Игорь и Андрей пишут и про меня. Говорят, что подготовить новое издание их книги было не легче, чем дважды войти в одну реку. Но я побил рекорд: это издание – третий заход в ту же реку с бурным течением их жизней.

Что изменилось за прошедшие девять лет? Конечно, увеличилось число новых постановок, отпразднованы новые юбилеи, в том числе и 70-летие Татьяны Тарасовой. И стихи в последней части книги – это уже совсем зрелый Бобрин. Что не изменилось, так это те человеческие качества, о которых я писал раньше. Счастье, когда у тебя такие друзья.

Виталий Мелик-Карамов

Июль 2017 года

Часть первая. Наташа и Андрей

Наташа, пока без Андрея

Меня записали на фигурное катание из-за слабой ноги. В четыре года мне вырезали опухоль из-под колена. Врачи предупредили родителей, что если мне не сделать операцию в детстве, я, когда вырасту, ходить буду плохо. Как бы я потом ходила – неизвестно, но из больницы я вышла хромой. После операции полагалось двигаться, но я так себя берегла, что все время лежала. Кончилось тем, что папа носил меня на руках – сама я уже не ходила. Мама пришла в ужас: ушел ребенок на неделю в больницу, ушел своими ногами, а вернулся – ходить не может.

История с операцией происходила летом, к осени я все же начала ходить, а в декабре мама отвела меня на фигурное катание. Ей порекомендовали, чтобы ребенок занимался спортом на свежем воздухе. На выбор вида спорта, возможно, повлияло то, как я смотрела по телевизору выступления фигуристов. Я обмирала – так мне нравилось. Сама же я каталась на двухполосных коньках, привязанных к валенкам, на пяточке, который папа расчищал от снега в нашем дворе.

Мы жили в Теплом Стане – районе на окраине Москвы, тогда еще совершенно пустынным. Наш двор образовывали всего три двухэтажных каменных дома, принадлежавших Министерству морского флота. Рядом находилась радиостанция, где мама работала радисткой Северного пути, принимала сообщения с зимовок и полярных станций, правда, это было еще до рождения моего и брата.

Папа родился и вырос в Сибири, в небольшой деревушке под Барнаулом. В 1943 году, достигнув призывного возраста, он ушел на войну и воевал до самой Победы. Имеет медаль «За взятие Кенигсберга», орден Красной Звезды, орден Отечественной войны и медаль «За боевые заслуги». Он всю жизнь проработал в системе профтехобразования. Сначала преподавал в ПТУ, потом стал его директором, в конце концов занял должность начальника Управления подготовки рабочих кадров на производстве, а в 2008 году издал книгу мемуаров «И перед ликом суровой эпохи...».

В нашей семье две совы и два жаворонка. Совы – мама и брат, а мы с папой – жаворонки. Я всегда провожала его на работу рано утром, а позже он готовил мне завтрак перед ранними тренировками. Кстати, первый спортивный опыт я приобрела, занимаясь с папой. По утрам мы бегали на озеро в нашем лесу, а потом выбирались на длительные велосипедные прогулки. Тогда уже брали с собой и брата.

И здесь я хочу сказать, какая дружная у нас была семья, как мы любили друг друга. Однажды мы с мамой, как всегда, сидели у окна и ждали папу с работы. Мы всегда с точностью до минуты знали, когда он должен прийти. И вот, когда папа появился из-за поворота, я закричала на всю квартиру: «Мама, мама! Наш принц идет!» И я счастлива, что мой принц до сих пор с нами...

Накануне моего пятилетия – я родилась шестого января – папа и мама купили мне коньки и ботинки и повезли в Лужники, в оздоровительную секцию. Опробовать коньки на домашнем катке не дали, видимо решили, что я сразу встану и поеду. Мы, как там выяснилось, опоздали, все дети уже катались, к тому же они были старше меня – шестилетки.

Тренер сказал: «Пусть девочка покажет что умеет». Я гордо вышла, ничуть не сомневаясь, что закружусь сейчас, как мой кумир, тогдашняя чемпионка мира Людмила Белоусова, и... даже не упала – рухнула. Еще лежа, я заявила, что заниматься здесь не желаю. Тренер отвел мне месяц испытательного срока: если догоню ребят – оставят, нет – придется записываться осенью. Моя спортивная карьера увядала, не успев расцвести. Но мама, похоже, поставила перед

собой цель, чтобы я не только не хромала, но и стала фигуристкой. Кто-то ей посоветовал: чтобы научиться хорошо стоять на коньках, я должна ходить на них по резине. От этих упражнений болели ноги и кататься уже совершенно не хотелось. «Мама, я все буду кушать, только сними с меня эти ботинки». Несмотря на мои мольбы и то, что, конечно, родители меня очень жалели, папа по-прежнему заливал и чистил домашний каток, а мама заставляла заниматься. За месяц она научила меня делать «елочку», «пистолетик», «цаплю» и «ласточку». Сама все это продемонстрировать она не могла, но внимательно следила, как учат других детей. Так что азам меня выучила мама, но и я оказалась не без способностей, быстро все схватывала.

Через месяц в Лужниках меня поставили в середину группы, прошел еще месяц – я уже стояла первой. Мне так понравилось (и с тех пор всегда нравилось) считаться лучшей, что в своей группе я соперников уже не имела. Через три года – мне уже шел восьмой год – Антонина Ивановна Карцева, тренер не оздоровительной, а настоящей спортивной секции, взяла к себе двух девочек – мою подругу Люду Кружалину и меня. Я так старалась, что меня невозможно было не отметить. Группа Антонины Ивановны называлась «Школа высшего спортивного мастерства». Как я гордилась этим названием!

Казалось, все счастливы, и прежде всего мама, но у меня нашли искривление позвоночника, и врачи запретили мне заниматься фигурным катанием. Впрочем, и езда в Лужники из Теплого Стана подорвала наш энтузиазм, было очень тяжело. Каждый день после школы я сперва делала уроки, а потом в четыре часа мы отправлялись на тренировку. Выгнать меня со льда никому не удавалось, я кружилась на нем до девяти. В десять мы доезжали с мамой на метро до «Университета» (станции «Юго-Западная» тогда еще не было), оттуда на одном автобусе, потом, с пересадкой, на другом добирались домой. Время подходило к полуночи. А утром в школу, которая тоже не рядом с домом – до нее ехать больше получаса. Когда же нас пускали на искусственный лед, а это было ближе к ночи, то возникала проблема: как домой добираться? На такси? Но где взять денег, чтобы развезжать на такси? Впрочем, такой выход из положения в семье даже не обсуждался. Больше всего я не любила дорогу домой, я засыпала стоя, держась за маму, а она меня вела, сажала, поднимала...

Но когда выяснилось, что на каток мы больше не поедем, я плакала и бастовала.

Неделю в Лужники не ездили, потом друг на друга посмотрели: поедем? И поехали.

Мама после родов долго болела, получила инвалидность, она нигде не работала и, сопровождая меня на тренировки, могла хотя бы побеседовать с другими мамами. Человеком мама была общительным, но жила только нами, только семьей – это всегда нелегко.

Мой старший брат Петя занимался плаванием там же, в Лужниках, меня еще и к нему в секцию воткнули, так что все мои детские годы прошли на Центральном стадионе имени Ленина. Кстати, к плаванию я оказалась совершенно неспособна. Меня много учили, но все, что я освоила, – держаться на воде и не тонуть. И по сей день я лучше плавать не стала и не люблю ходить в бассейн, не получаю от воды удовольствия. А брат еще долго ходил на тренировки, но в один прекрасный день сказал: «Мам, мне велели больше в бассейн не приходить». – «Почему?» – «Там надо первым приплывать, а я и последним успею». У нас с братом разница в два с половиной года. Мы с ним внешне похожи, почти на все жизненные проблемы у нас одинаковый взгляд, но действуем мы с ним совершенно разными методами, Петя обстоятельный человек, если он собирается в чем-то оказаться первым, то ему в отличие от меня совсем не обязательно для этого торопиться...

Попав к Антонине Ивановне, я стала членом общества «Локомотив». Теперь на искусственном льду я занималась регулярно, но в Сокольниках, на другом конце города, а тренировки на естественной площадке проходили в Черкизово, еще дальше, что, возможно, и хорошо для испытания характера. Дворец в Сокольниках был большой, но очень холодный.

Почему я не пыталась попасть в ЦСКА? Дело в том, что у меня уже тогда был комплекс: я имела, выражаясь профессионально, «минус старт», то есть на тренировке каталась лучше,

чем на соревнованиях. К тому же я не сомневалась, что у меня «сухие», негибкие ноги, так как при приземлении после прыжка часто падала. Такое чаще всего происходит от плохой выучки, но я почему-то была уверена в своем физическом несовершенстве. «Да, – говорили, – девочка хорошая, но...» Я считалась способной фигуристкой, но на соревнованиях действительно все время падала. Не то что вообще не поднималась со льда, но сосредоточиться на важности события не получалось. Но несмотря ни на что, я считалась у Антонины Ивановны лучшей.

В то время фигурное катание еще не достигло своего пика, когда чуть ли не все родители бросились записывать своих детей в секцию. К ЦСКА, например, в дни приема даже близко подойти было невозможно. Рядом с Антониной Ивановной занималась со своими учениками Елена Владимировна Васильева, одна из старейших тренеров фигурного катания в стране. У нее тренировались знаменитые Шарапова с Евдокимовым, члены сборной, корифеи. Одно время я каталась в старых ботинках Шараповой, не помню, как они ко мне попали. Мне казалось, что я сразу даже прыгать в них начала, как только надела. Кстати, несколько лет у нас в Театре ледовых миниатюр работал их сын Артем, он не только отличный фигурист, но и прекрасный акробат.

Тогда же начали организовывать спецгруппы. В женском одиночном катании ведущей оказалась не школа ЦСКА, – это произошло позже – а группа девочек, с которыми занимался Эдуард Георгиевич Плинер. Чтобы попасть к Плинеру, нужно было сдать настоящий экзамен. Меня в эту группу не приняли, хотя я стала кандидатом в мастера спорта уже в пятнадцать лет. К Эдуарду Георгиевичу я попала только через год, уже выступив на взрослом первенстве страны.

В те годы из-за недостатка льда мы занимались и с танцорами, и с парниками в одно время. Андрюша Букин с Ольгой Абанкиной считались в «Локомотиве» первыми в танцах среди юниоров, я – в одиночном катании. Правда, они и на юниорском чемпионате страны заняли первое место, а я четырнадцатое. Ах как мне хотелось хоть раз оказаться на первом месте, но в юности я не побеждала. На своем первом взрослом чемпионате я стала предпоследней, а последнее место заняла Оля Воложанская. Лишь раз, когда уже занималась у Плинера, я победила на юниорском Кубке, но тогда не выступала Лена Водорезова.

Занимаясь у Антонины Ивановны и любя ее, я все же мечтала попасть в группу Плинера. Я считала, что чемпионкой меня может сделать только он. Он знает, думала я, то, чего другие не знают; он – тот тренер, который научит меня прыгать так, как прыгает его ученица Люда Баконина, чемпионка СССР.

Антонина Ивановна не подпускала учеников к себе близко. Она не относилась к тем тренерам, у которых можно дома чаю выпить. Она скорее школьный учитель. Ведь обычно учителя вне школы – загадка для учеников. Я ее уважала и побаивалась. «Антонина Ивановна идет!» – и душа тут же начинала трепетать. У меня остались добрые воспоминания о годах занятий с ней, понимавшей, что я должна пойти дальше, и поэтому не привязывавшей ни меня к себе, ни себя ко мне; ведь разрубать такие узлы потом очень больно. Антонина Ивановна работала безупречно, но без больших заслуг в спорте, она жила другим. Вышла замуж, родила и год не ходила на работу. Вот когда меня помотало: то пустят на лед, то не пустят, то кто-то потренирует, то никто не посмотрит в мою сторону. Со мной тогда возилась хореограф Галина Евгеньевна Кениг.

С Олей Абанкиной я познакомилась намного раньше, чем со своим будущим партнером Андреем Букиным. Оля тоже начинала как одиночница. Она выглядела всегда такой аккуратненькой: с гладко зачесанными волосами и хвостиком, стройненькая, толком не прыгала, но носочек тянула идеально, за это ее, наверное, и определили в танцы. Оля перешла в «Спартак», и какое-то время я ее не видела. А потом нам, одиночникам «Локомотива», выделили лед на лужниковском «Кристалле», и мы вновь встретились. Сейчас все живут отдельно, а раньше – коммунальная квартира: на одном катке – «Зенит», «Спартак», «Локомотив»... Народу –

тьма. Мы приходили заранее, ждали своей очереди. Одиночники, пары, танцы – все вместе. Всё обсуждается. «Вон Абанкину в пару с мальчиком поставили». И я вижу пару, где партнерша на полголовы выше партнера, а партнер – Андрюша! Потом он вымахал будь здоров, но тогда казался маленьким. Возможно, они были и одного роста, но девочка всегда выглядит выше. Мне тогда исполнилось девять, им – по двенадцать.

Позже они вместе с тренером снова оказались в «Локомотиве». Андрюше и Оле шел семнадцатый год, мне было четырнадцать. Они много ездили на юниорские соревнования, даже за границу. Пара Абанкина – Букин стала привычным сочетанием. Раз Андрюша умудрился за рубежом сломать руку, по-моему, на показательных выступлениях в ГДР, и почему-то все на него обиделись. Всю жизнь на него обижаются, а он, бедный, терпит.

Мы стали вместе ездить на сборы. Ольга, строгая и спокойная, жила всегда со своей подружкой (они до сих пор дружат) озорной Леной Бучиной. Люда Кружалина, с которой я не расставалась, заболела, на сборы не попала и потом совсем ушла из спорта. Я всюду теперь ходила с Ирой Пеликан. Очень важно, когда ты редко бываешь дома, особенно в детстве, иметь друзей в команде. Одному на сборах прожить трудно, с ребятами из команды ты видишься чаще, чем с родителями, именно друзья знают твои детские секреты, они тебя утешают, они твоя опора.

Мы все крутились вокруг Лены Бучиной. Ленка – смешная и компанейская, нас всех объединяла. Ольга заплетала мне косы, Ленка раскраивала штаны, чтобы я шила их на руках. Тогда в моду вошли расклешенные штаны, у кого они есть – тот человек. Ольге, помню, сшили желтые брюки. Она высокая, длинноногая, такая складная, они на ней классно смотрелись. Мне – красные с черными полосами, я в них сразу себя лучше чувствовать стала (мне всегда казалось, что вокруг красавицы, одна я выгляжу ужасно), а Ленка себе сшила ярко-красные. Занимались мы производством модных брюк то ли в Саратове, то ли в Первоуральске. С тех пор я пристрастилась на сборах шить. Дома строчила на машинке, но на сборах – только на руках. Последние годы в спорте я больше занималась вышиванием. Ручная работа очень успокаивает.

Андрей в нашей девчачьей компании никогда не появлялся. Потом я заметила, что они с Ольгой по льду все время в обнимку ездят. Закончат элемент, он руки с ее бедра не снимает. Мы смотрели на них с большим восторгом, ребята только-только скатались и стали друг на друга очень похожи (позже нам с Андреем тоже говорили, что мы как брат и сестра, наверное, это общий эффект, как походка собаки напоминает походку хозяина), оба светловолосые, длинноногие, он в синих брюках, она в такой же юбочке, и оба в ярких цветастых рубашках. Они в отличие от многих всегда были со вкусом одеты и на льду выглядели очень привлекательно.

Представить Ольгу и Андрея порознь казалось невозможным. Когда мы с Андреем встали в пару, мне все время казалось, что где-то рядом с нами присутствует и Оля. Она действительно сначала приходила на наши тренировки, но я видела: спокойствие ей дается нелегко.

То, что у Андрея тогда сложилась с Ольгой крепкая семья, стало хорошей основой и наших отношений. Мы с Андреем первые годы вообще не ссорились, что никогда не удастся тем, кто не расстанется и после тренировок. Позже, ближе к концу спортивной карьеры, с Андреем стало труднее: возраст, усталость. Интересно, что Игорь в своей профессиональной труппе начал кататься в паре, поэтому быстро разобрался, что значат отношения в дуэте и как трудно их сохранить. Надо иметь характер и душу, а более всего – такт: общение в паре – во многом семейное общение. Правда, семью поддерживают такие мощные опоры, как интимные отношения и, что не менее важно, общие материальные средства.

Сохранить в течение долгого времени хорошие отношения в паре совсем непросто. Бывает, что приходится выбирать между фигурным катанием и семьей. Мне, например,

кажется, что Моисеевой и Миненкову пришлось уйти со льда, чтобы сохранить дом. Возможно, и то, что они потом отказывались вновь кататься (в ледовых балетах), говорит, что они не хотели испытывать судьбу.

Почему же Оля ушла из фигурного катания? Они ведь с Андреем до настоящих стрессовых ситуаций так и не добрались. Но в нашем виде спорта у человека могут на пустом месте развиться кучу комплексов. Ольга постоянно слышала, что у нее нет больших перспектив, что Андрею надо подыскать другую партнершу. Представляю, как эти слухи на нее давили. Мне в похожей ситуации повезло с Татьяной Анатольевной: в тот момент, когда я потеряла надежду, что буду выступать, она так уверенно цыкнула на меня, что деваться было некуда. Я перестала бояться зрителей и судей, прежде всего перестала бояться себя. В конце концов наступило то, во что я и поверить не могла, – я начала получать удовольствие от соревнований. Ну пусть ноги «сухие» – другим возьму! Мне кажется, что чаще всего закомплексованность тренера передается его ученикам. Ведь Ольга была стройненькой, хорошенькой, они с Андреем прекрасно подходили друг другу и катались очень слаженно. А в том, что она не идеально скользила (как бы немного подскакивала), нет ее вины – так ее научили. Возможно, ей не хватило сил в какой-то момент, чтобы отстоять себя, хотя сейчас я знаю, что в жизни Ольга очень сильный человек. Прошло много лет, я с ней куда меньше общаюсь, чем раньше, но мы по-прежнему хорошо понимаем друг друга.

Разве Торвилл и Дин не точно такая же пара, какой были молодые Абанкина и Букин? Но там не на кого было менять партнершу, у нас же «миллион» катается – меняй как хочешь, напрягаться не надо. Почему за рубежом брат и сестра вместе катаются? Потому что так финансово выгодно. Потому что лед и тренер в таком варианте стоят в два раза дешевле.

Разговоры-то шли, а партнершу Андрею никто не менял. Ольга сама не выдержала и ушла из спорта, следом за ней ушел и Андрюша. В немалой степени так получилось по вине тренера: она не могла дать им большего и искала причину в них, а не в себе.

Они не тренировались месяца три. Ольга проявила большое великодушие, отпустив Андрея обратно на лед. В ее характере нет плохих качеств – редкий случай в жизни. Ей если что не нравится, она может даже заболеть, но никому ничего плохого не сделает.

...Но я забежала далеко вперед. Пока я еще занимаюсь даже не у Плинера, не то что у Тарасовой (об этом мне ни в каких снах и не снилось).

Антонина Ивановна вернулась из декретного отпуска, и я опять стала у нее тренироваться. Став мамой, она уже не ездила на сборы и соревнования, и мне казалось, что она с большим удовольствием работала бы с маленькими детьми, приходящими два раза в неделю, чем ежедневно со мной.

Одна из причин, почему меня не брал Плинер, – я никак не могла одолеть двойной аксель и тройной сальхов (высшая категория сложности в то время). Мне мешала моя закомплексованность: когда-то сказали, что аксель у меня нетехнический, вот я над ним и билась... Постепенно во мне стало расти убеждение, что если я не выучу эти два прыжка, надо уходить в балет на лед. Вроде катаюсь красиво. Я училась уже в восьмом классе и считала, что пришла пора задуматься, как жить дальше.

В моей 176-й школе ко мне относились прекрасно, легко отпускали с уроков, и я так же легко нагоняла пропущенное. В конце десятого класса меня сразила любовь. Кто-то с кем-то в классе куда-то вместе ходил, дружил, встречался, но я ничего не замечала. Все десять лет школы у меня не было времени на что-то отвлечься. Хотя влюблялась я постоянно, с третьего класса, влюблялась до слез, но тут впервые я испытала ответное чувство, следовательно, считала – ко мне пришла настоящая любовь.

В тот знаменательный год я стала заниматься танцами. Свободного времени не оставалось ни минутки. Но как-то в июне после экзамена за мной от школы до дома поплелся мальчик. Я шла, старалась не оглядываться. Мальчик из параллельного класса, сын дипломата, их

семья недавно вернулась из Франции. Кроме меня, все девчонки в школе по нему умирали. Я обычно выскакивала после второго урока с рюкзаком на тренировку, пулей пролетая мимо всех. Но с того дня мы стали вместе возвращаться домой. Мама была в шоке, но, как выяснилось, совершенно напрасно. Первая любовь заглохла сама собой. А ведь так красиво началась! Лето. Экзамены. Я готовилась к физике. Он приезжал к нашему дому на велосипеде. Время от времени мы встречались, но наши интересы оказались слишком разными. Вскоре я попала в сборную, начала ездить на чемпионаты мира и Европы, познакомилась с Игорем и ни о ком другом уже думать не могла. Мой школьный друг продолжал приходить в гости, мы беседовали, он умный парень, и мне льстило, что такой высокий, худой, блондин – и так влюблен в меня. Но жила я от встречи до встречи с Игорем.

Все кончилось ровно через год. Шестого января я пригласила к себе на день рождения в Теплый Стан Бобрину, Роднину и Зайцева. Если Игорь ходил в кумирах публики, то Саша и Ира были героями страны. Невозможно себе представить, но все они ко мне приехали. Саша и Ира – на собственной черной «Волге». Моя первая любовь оказался еще и очень деликатным мальчиком. Он почувствовал, что в такой компании ему придется нелегко, поздравил меня с порога, тут же придумал, что у него что-то случилось и ему надо срочно бежать.

Но это все еще впереди. Мне пока не полагалось встречаться с мальчиками, предстояло еще так много сделать, и прежде всего – выучить двойной аксель.

Под новый, 1976 год на льду со мной рядом оказался Боря Харитонов, – потом он выступал в Московском балете на льду, а тогда был сильный одиночник.

Тренер не пришел, и Боря встал рядом со мной. Хореограф Галина Евгеньевна приходила не каждый раз, да и могла показать только, как надо открыть руку, а не как прыгать многооборотные прыжки. Именно Боря научил меня прыгать двойной аксель. Я даже короткую программу сама себе придумала. Под музыку все получалось как бы само собой. Я так привыкла самостоятельно работать над короткой программой, что, когда Плинер мне ее придумывал и объяснял, слушала его с интересом, но испытывала большие затруднения при попадании в музыку. Легкость появлялась только тогда, когда я, обкатывая программу, начинала сама потихоньку ее изменять. Когда мы с хореографом разрабатывали постановку показательного танца «Арлекино» под модную тогда песню Аллы Пугачевой, Эдуард Георгиевич сказал: «Делай как хочешь». Конечно, он мне подсказывал какие-то связки в элементах, я сама их сложить не могла. Идея «Арлекино» принадлежала Плинеру, а благодаря этому танцу меня заметила Тарасова.

Позже и Татьяна Анатольевна оставляла мне возможность что-то придумать самой. Иначе я просто не могу.

На следующий день после того, как Харитонов научил меня двойному акселю, я овладела тройным сальховом. Я не могу даже передать, насколько чувство восхищения собственными силами переполняло меня.

Через неделю я ехала на чемпионат СССР и думала: «Теперь, Плинер, посмотрим, теперь попробуй меня не взять!» Попасть в спецгруппу – это означало еще и то, что лед дают и утром, и вечером, кататься можно сколько влезет, на каток возят на автобусе, а на сборы берут не раз в год, а постоянно. Ужасно выматывало то, что месяц тренируешься, месяц – нет.

До этого на соревнованиях я не могла сделать ни «дупля», ни тройного прыжка. Я чувствовала, как ко мне изменяется отношение. Не то что раньше: «Хорошенькая, но не прыгает». Теперь прыгает!

Была еще жива первая жена Плинера. Это она настояла, чтобы он пригласил меня к себе в группу. Жена у Плинера была человеком необыкновенно тактичным и легким. Она одна могла гасить его необузданную вспыльчивость. Вскоре после моего прихода в их группу эта чудесная женщина умерла от неизлечимой болезни.

Я и прежде готова была много работать, а с Плинером стала фанаткой фигурного катания. Возможно, я могла бы и в одиночном катании добиться большего, но нам работалось нелегко. Эдуард Георгиевич человек жесткий, а я, когда со мной суровы, закрепощаюсь.

Попав к Плинеру в пятнадцать лет, через год я выиграла юниорский чемпионат страны, за ним – Кубок СССР, а на взрослом первенстве стала пятой – мой звездный год в одиночном катании. Казалось, я научилась соревноваться. Для спортсмена это очень важно, значит, ты научился справляться с собой. И только много лет спустя я поняла, что на самом деле умение соревноваться приходит после миллионного повторения элементов на тренировках.

На тренировках я перевыполняла норму в два-три раза. И, скорее всего, за упорство меня взяли в турне по Сибири: там же не надо соревноваться. Меня хорошо принимали, хотя я и выступала всего лишь второй, а Моисеева и Миненков, Роднина и Зайцев специально приходили пораньше, чтобы посмотреть мой номер. Но уже поднималась вся звезда Лены Водорезовой, и этот факт меня очень смущал. Когда я шла за Бакониной, то понимала, что в каких-то вещах могу быть лучше. Но Водорезова показывала тот уровень, на который мне уже было не подняться. У меня пропал интерес к соревнованиям, но я не хотела уходить от Плинера, ему в те времена приходилось тяжело, и оставлять его, казалось, – только добавить ему боли. К тому же мне так хотелось остаться в спорте, и танцы предоставили мне эту единственную возможность. После того как я ушла в танцы, год не могла слушать музыку «Арлекино» – плакала.

В турне по Сибири я выучила еще и тройной лутц, очень редкий прыжок. Я соревновалась с Игорем на раскатке, кто сделает лутц, – и прыгнула! Тогда мы поспорили, что если вечером на бис я выйду и сделаю тройной лутц, я у него выиграла. На что спорили – и не помню. Но я прыгнула этот лутц на глазах у всего зала.

Потом, в Москве, сколько ни пыталась прокрутить его перед Плинером, ни разу не смогла. Заканчивала прыжок, а выезд из него не получался – я падала. Но остальные прыжки выходили вполне прилично, и Плинер говорил: «Вот ты стала с Бобриным дружить и сразу запрыгала». В действительности толчком оказалось то, что меня взяли и сибирское турне. Выступления проходили во всех крупных городах Сибири в самом конце сезона, перед отпуском, и на них собирались все наши сильнейшие фигуристы. Я попала в такую компанию впервые и всего лишь один раз, вскоре турне отменили. Когда поездка кончилась, я страдала неделю, но впечатлений хватило надолго.

К концу сибирского турне обычно делают «зеленые» концерты. Все тянут жребий, кто с кем выйдет выступать. Обычно в самом конце на представление участников всех строго по званиям и наградам на лед выводили Роднина и Зайцев, а мы за ними цепочкой выезжали и кланялись. А тут все перемешивалось, и получались совершенно сумасшедшие сочетания. Сейчас таких капустников нет, спорт внутри стал тяжелее и строже. Закрыли сибирские турне из-за финансовых нарушений. С водой выплеснули и ребенка. Как мы ждали поездку, какая в ней царила дружелюбная атмосфера, как в ней обкатывались программы!

В общем, тогда на жеребьевке все перетасовались, со мной в паре оказался Бобрин!

В 1976 году я почему-то пропустила показательное выступление Игоря. Петя, мой брат, мне рассказывал: «Бобрин теперь изображает ковбоя, на кривых ногах по льду ходит – так здорово!» Бобрин мне всегда казался недостижимым, будто живет он где-то в поднебесье. И вдруг я с ним, с Бобриным, выхожу вместе на лед. Фантастика! Арлекино вместе с Ковбоем. Мы разыграли целую сценку: он заснул на поклоне, а я его все время будила, веселила, поворачивала в разные стороны, а он падал и засыпал. Вечер выдался для меня – трудно описать. Меня просто распирало от самых разных чувств.

Я здорово выложились в Сибири, прежде всего эмоционально, и у меня начался сильный спад. Потихоньку я восстановилась и поехала на осенние сборы в город Северодонецк, где мне предложили перейти в танцы. Но перед этим я побывала на соревнованиях в Праге. Это была уже вторая моя зарубежная поездка.

Первый раз я попала со сборной в Финляндию, где выступала с моим «Арлекино». Всех заработанных денег хватило лишь на джинсы, свитер (он дожил до первой маминой стирки) и пластинку. Но самое главное – я выходила на один лед с Пахомовой и Горшковым, у которых там были прощальные выступления. Я видела, чего им стоили тренировки. Они пару раз упали – и мне почему-то стало страшно.

По Финляндии мы ездили на автобусе. Овчинников, Бобрин, Моисеева и Миненков, Линичук и Карпоносов, Горшкова и Шеваловский – вот его пассажиры. Все веселились, и автобус буквально сотрясался. Ребята разыграли спектакль, в нем Надя Горшкова изображала жену монтера-пьяницы, а Бобрин, герой-любовник, ее совращал. Распределили только две эти роли, дальше шел экспромт. Часа три не прекращалось это бешеное зрелище, в котором, кроме меня и взрослых – Тарасовой и Чайковской, руководителя делегации, – все вышеперечисленные были заняты.

По сравнению со всеми я одевалась бедно, хотя тогда спортсмены из первой сборной не выглядели столь нарядно, как следующие поколения. Мама старалась, чтобы вещи на мне были аккуратными и чистыми, а ходила я в том, что сшила сама: брюки и кофта. Еще был свитер «лапша», модный тогда, который мне достала мама. Того, что называли «фирмой», у меня не было и быть не могло. Когда я смотрю на фотографии своего выпускного десятого класса, мне смешно. Я наряжена в такое платье, что сейчас не могу понять, как могла его надеть. По случаю достали кримплен ярко-зеленого цвета, да еще в цветах, нам с мамой показалось, что он мне должен идти, и мы заказали платье в ателье. Караул!

На каждый день я еще находила что надеть. Собственно, особенно долго искать и не приходилось: джинсы и свитер, но на выход – тут начинались проблемы, связанные к тому же и с муками по поводу внешности. А вот с той поры, как я стала регулярно выезжать за рубеж, у меня появилась возможность модно одеваться.

В двенадцать лет я в первый раз поехала на соревнования ЦС «Локомотив» в город Глазов. Мы жили в гардеробе Дворца спорта и спали на раскладушках. Ольга с Андреем тогда заняли первое место, я – третье. Мне так понравилась поездка, что, приехав в Москву, я из поезда не хотела выходить. Мне хотелось еще немножко продлить путешествие.

По дому я во время поездок совершенно не скучала, мама, наверное, расстраивалась, но мне ничего не говорила. Скучала по своему Теплому Стану я только в том случае, если сборы оказывались тяжелыми или я плохо себя чувствовала. Один раз меня взяли в Сочи, а я плохо переношу солнце, перегрелась и заболела, сразу же захотела домой, к маме. Но болела я редко, в любой обстановке чувствовала себя хорошо, не была неженкой, и мне нравилось обедать и завтракать в столовой по талонам. Я даже любила справлять Новый год на сборах. Жизнь там проходила очень весело, хотя и дома мы жили не скучая: семья у нас дружная.

Когда меня в свою группу взял Плинер, домой я попадала только по воскресеньям. Жила в гостинице. Теперь с ужасом вспоминаю о спецгруппе, куда так стремилась. Я знаю, какие переносила перегрузки, но как я могла их выдерживать?! Мама меня хорошо понимала и старалась сделать так, чтобы я больше отдыхала. Папа же не очень вникал в мои проблемы, он не разбирался, что происходит, и маме приходилось ему все объяснять: я все время молчу оттого, что устаю за день, вечером говорить уже не могу. Плакала я ежедневно. В семь утра лед, в пять уже поднимают. На тренировку – с тренировки – в школу – из школы – снова на тренировку, и все быстрее, быстрее... На обед – бегом, с обеда – тоже бегом на тренировку. Потом меня еще Плинер по вечерам «подкатывал»: я дополнительно прыгала. Сумасшедший дом! Но я так хотела чего-то достичь, что эта безумная жизнь казалась мне нормальной. Я с ужасом думала, что когда-нибудь с катанием придется распрощаться. Интересно, что когда действительно пришла пора уходить, подобных чувств у меня не возникло, но тогда – ужасный, животный страх, как бывает у детей, которые боятся смерти больше, чем взрослые, стоящие к ней ближе. Да мне и казалось, что прощание со спортом равносильно смерти.

Андрей, пока без Наташи

Я был в семье второй и поздний ребенок, разница в годах у нас со старшим братом пятнадцать лет. Наверное, потому я рос домашним ребенком, в детский сад не ходил. Мама после моего рождения перестала работать и занималась только мною. Она и поставила меня на коньки. Мы в то время переехали на новую квартиру к метро «Аэропорт», где около Ленинградского рынка был небольшой пруд. Зимой мама приводила меня туда кататься, прикручивая к моим валенкам двухполосные коньки. Чистого льда и видно-то не было, мне же казалось, что я катаюсь, хотя на самом деле ходил в коньках по снегу.

В семь лет мама записала меня в секцию фигурного катания ЦСКА, которая находилась рядом, через дорогу. Видимо, тем самым она хотела оградить ребенка от дворовой жизни и нежелательной компании. Но вскоре выяснилось, что я болен и спорт мне необходим не только как спасение от улицы. Началось с того, что врачи обратили внимание, как я сильно потею при движении. Решили, что у меня больное сердце, к тому же нашли в нем шумы. Кстати, мой сын Андрюха, когда был маленький, приходил со двора точно такой же мокрый, как я когда-то. Маме настоятельно советовали, чтобы я занимался спортом, и лучше на свежем воздухе, а крышу над головой у фигуристов тогда имели только мастера.

В том же году, как начал заниматься спортом, я пошел и в школу. Конечно, в ЦСКА я попал не к знаменитому Жуку, а в платную группу, располагавшуюся на маленьком стадионе в Чапаевском парке около Песчаной площади. Экзамен при приеме помню смутно, запало только то, что на мне были черные трусы, белая майка и носки. В зале, под трибунами футбольного поля, мы под музыку хлопали, топали и демонстрировали гибкость. Еще полагалось подпрыгнуть, и проверяли выворотность, то есть насколько у тебя при сомкнутых пятках разводятся носки. Этот зал я запомнил хорошо, четыре года в нем проходили наши занятия хореографией (с семи до одиннадцати лет). Длинное узкое помещение со столбами – опорами трибун, вдоль них – балетный станок. Я всегда старался занять место за столбом. У меня не получались махи через сторону, и я делал вид, будто столб мешает мне показать полный мах. Хореографию я не жаловал, куда интереснее мне казались занятия по ОФП – общефизической подготовке. Там сплошные игры и эстафеты. Работали с нами Графские, брат и сестра. Он к тому же еще был начальником нашей спортшколы. Мне они казались чуть ли не пожилыми людьми, хотя на самом деле им было немногим больше тридцати. Два первых года я провел под присмотром Светланы Сергеевны (фамилии ее не помню). Потом я заболел, много пропустил, да и маме, наверное, надоело со мной таскаться. Вопрос, мужской или не мужской вид спорта фигурное катание, меня не волновал. Он возник позже.

После болезни я записался на гимнастику. Продержался там недолго: то ли не было даных, то ли не было железного характера маленького гимнаста – желания стать сильным, чтобы легко держать уголок. Я падал с брусьев, не хватало сил пройти по жердям на руках. На кольцах мечтал подтянуться, но не мог. Плакал, потому что стоял последним в ряду, как не имеющий никаких способностей. Я упорно продолжал ходить в секцию, хотя удовольствия от гимнастики не получал. Никакой ребенок терпеть унижение долго не станет.

Мама по-прежнему боялась двора, поэтому освободившееся от гимнастики время заняли бассейном. Я научился плавать, воды совсем не боялся, но плавал медленно. И через год, не знаю почему, мама опять привела меня на фигурное катание. Может, ею овладели честолюбивые мечты? Скорее всего, она увидела, что ни в гимнастическом зале, ни в бассейне у меня ничего не получается, а на льду я все же ловко катался и считался не последним.

Влияния двора, конечно, избежать не удалось, здесь я пристрастился к хоккею и футболу, терпел некоторые обиды, когда мальчишки дразнились: «Во дает, фигурным катанием занимается, ты девчонка, что ли?» И действительно, в группе из тридцати двух детей было

всего лишь двое мальчишек. Теперь занимался я у Роберта Романовича Лалейта, считавшегося авторитетом в фигурном катании. Он судил всесоюзные соревнования. Для меня же он оказался человеком, открывшим двери в настоящий спорт. Роберт Романович ушел из ЦСКА, когда мне исполнилось двенадцать, говорили – из-за того, что ему мало выделяли времени на искусственном льду.

«Школу» у Лалейта мы постигали таким образом: он брал метлу, чертил ею на льду фигуры, например два круга, мы делали по ним парные тройки, пока их снег не занесет, и опять – метлу в руки. С одним оборотом я прыгал все прыжки, особенно любил торрен – так почему-то тогда назывался сальхов. Роберт Романович поручил нам придумать себе программу и самим подобрать музыку. Так я познал муки творчества! У соседа с нижнего этажа, который долгое время проработал в Америке, я копался в пластинках. Мне полагалось для третьего юношеского разряда взять музыкальное сопровождение всего на две минуты. К поискам музыки я привлек и соседа. Кстати, выше разряда в одиночном катании я так и не завоевал.

В те годы соседи по подъезду друг друга знали, заходили в гости, порой дружили. Сейчас я знаю только соседей по площадке, с другого этажа уже ни с кем не знаком. Наши родители сами сделали для детей площадку во дворе, зимой заливали на ней каток. Двор окружали три корпуса. В первом жили рабочие с авиазавода, в центральном – семьи инженеров того же завода, мы оказались в «генеральском». В этом доме действительно жили и генералы, и знаменитости. Наша квартира была на восьмом этаже, а на шестом, например, квартира Евгения Евтушенко. В этот дом мы переехали из общежития Академии Фрунзе, где папа работал. Мы жили вчетвером в одной комнате. Я помню огромную кухню, одну на много семей, общими были ванная и туалет. Потом отца перевели в институт, связанный с космосом, у них была первая центрифуга. Тогда все, кто имел отношение к космосу, получали большие льготы, наверное, поэтому мы и оказались в престижном доме.

Зато район выглядел совсем не так, как сейчас. У нас за окнами была деревня, за ней – заболоченная речка, в пруду стояли камыши. Только три наших корпуса и завод возвышались над одноэтажными домами с палисадниками.

Вернусь к первой собственной программе. Она в основном строилась на одном шаге, показанном нам на тренировке, мне он очень понравился. Музыку сосед подобрал эстрадную и боевую, я под нее катался два года. Делал какие-то подсечки, прыжок и опять выходил на этот шаг, мне он казался виртуозным.

Спустя много лет я вновь его вспомнил и попробовал сделать. И тут выяснил, что технически он очень сложен. Но я тогда не сомневался, что ход у меня огромен, комплексов насчет собственных возможностей не существовало никаких.

Как мы изучали многооборотные прыжки? Я прыгал с Валерой – вторым мальчиком в группе – в сугроб. Разбегались, делали аксель и валились в сугроб – падать небольно. Машина, расчищающая лед, наваливала вокруг катка горы снега, благодаря им мы и выучили аксель в полтора оборота. Разъяснений от тренера, занятого в течение полутора часов еще с тридцатью учениками, приходилось ждать слишком долго, а нам с Валерой не терпелось.

Вслед за Робертом Романовичем я тоже ушел из ЦСКА, но поскольку уйти от фигурного катания уже не мог, то отправился записываться в «Спартак». Там на меня посмотрели довольно критически, хотя я явился на тренировку в белой шапочке с полосами, какие тогда надевали конькобежцы и лыжники. «Школу» я не знал, да и что можно было выучить, катаясь по кругу, нарисованному метлой? Мои ровесники-одиночники в «Спартаке» по сравнению со мной творили чудеса. Тогда меня определили в танцы: «Мальчик ничего, и фигура нормальная».

Первый мой учитель в спортивных танцах на льду – Анатолий Петухов. Он еще сам успешно выступал. Первые трюечки, первые беговые, вперед-назад – всю эту премудрость танцевальных шагов я узнал от него. Петухов был и первым учителем Сретенского. То, что в

основном составе сборной страны в течение нескольких лет из трех партнеров двоих начал обучать Анатолий Иванович, наверное, говорит о том, что он очень хороший детский тренер. Так с января 1967 года четыре раза в неделю, без пропусков, я начал заниматься танцами. Мы тренировались на открытом льду на Малой спортивной арене в Лужниках. Она была еще без крыши, ее перекрыли накануне московской Олимпиады.

Полгода я имел постоянную партнершу, но запомнил только то, что ее звали Таня. Началось лето, каникулы, а после каникул я запустил учебу, и теперь уже мама возражала против тренировок, хотя по-прежнему сопровождала меня на них. Скорее всего, ею двигала не усталость от поездок, а желание, чтобы я учился в музыкальной школе имени Дунаевского по классу баяна. Я там похлопал в ладоши, что-то спел, и меня приняли. Но фигурному катанию не изменил. Думаю, что не последнюю роль сыграло и то, что у родителей свободных денег на баян не оказалось. Но полгода я пропустил, партнерша моя меня не дождалась, бросила спорт.

Теперь я катался один, не понимая, что потерял не только партнершу. Ведь в будущем я всегда бы мог растягивать меха – и с горя и с радости, а так закончится спорт – и никакого выхода чувствам. Прошло одно занятие, другое, а на третье выскакивает на лед большая группа танцоров, там были даже взрослые ребята, а с ними тренер. Глаза у нее сверкают, приказывает она громко, ребята с удовольствием ее команды выполняют, видно, что все они неплохие фигуристы. Я подъехал к Петухову узнать: что за тренер такой громогласный? «Надежда Широкова, – сказал Петухов, – первая чемпионка Советского Союза по танцам». Чемпионкой она была под фамилией Велли. Через двадцать минут она меня подзывает: «Мальчик, ты в каком классе?» – «В шестом». – «А сколько тебе лет?» – «Двенадцать», – отвечаю. А ей показалось «пятнадцать», и она сразу потеряла ко мне интерес. Мало того, что карлик, еще и двоечник. «Ну иди, катайся дальше», – милостиво отпустила она меня. Потом она все же спросила у Петухова, зачем он держит на льду таких уродцев? Тут она выяснила, что я еще просто малец. В конце концов я оказался в группе у Надежды Степановны.

В этой же группе каталась и Ольга. Ее Надежда Степановна заметила в Черкизове на «Локомотиве», когда еще занималась спортом сама. Ольга уже получила первый юношеский разряд в одиночном катании. Куда мне было до нее с моим третьим?

На следующей тренировке меня поставили в пару с Верой Морозовой, Олиной подружкой и ровесницей, но чем-то мы как дуэт не приглянулись Широковой, и она переместила меня к Ольге. Мы сразу подошли друг другу, к тому же Ольга оказалась первой партнершей, которая была пусть чуть-чуть, но ниже меня.

Я прекрасно помню момент, когда Надежда Степановна подвела меня в углу катка к Ольге. Надо было проскользнуть по краю площадки, держа ее руку в своей, только и всего, а на меня столбняк напал. Первые уроки – как в тумане. Так с осени 1969 года я стал тренироваться уже вместе с Ольгой. Есть фотография: мы выступаем на чемпионате ВЦСПС, я проезжаю на одной ноге, Ольга тоже, а вторую она закладывает мне за спину – так была растянута.

То, что я, мальчик, занимаюсь танцами, меня не волновало. Я любил фигурное катание, и если меня уж никуда не брали, так хоть в танцах держали. Я рос тихим, положительным ребенком, совершенно не хулиганил. Меня как самого младшего в группе не очень терроризировали, что нередко делают старослужащие, и не только в армии. На одном катке с нами тренировалась и Наташа. Я запомнил ее только потому, что эта огненно-рыжая девочка всегда была одета в синее платье.

В 1972 году мы оказались на сборе в Ростове-на-Дону вместе с фигуристами из Ленинграда. Ими командовал Игорь Борисович Москвин, а с ним приехал весь питерский цвет одиночного катания: Юра Овчинников, Игорь Бобрин, Наталья Стрелкова, Игорь Лисовский. Тренировки у танцоров начинались в десять, но я приходил пораньше (одиночники всегда ни свет ни заря катаются) и занимался с ними «школой». Интуитивно чувствовал (не думаю, что тогда

работали мозги), что пробелы в начальной грамотности дадут о себе знать и в обязательных танцах. Я даже начал осваивать многооборотные прыжки.

Во время декретного отпуска Надежды Степановны нас тренировал ее муж, Сергей Широков. В это время мы работали на одном льду с Лешей Голосовым, учеником Елены Владимировны Васильевой. Судьба его в спорте сложилась крайне неудачно. Леша – прыгучий парень, а связочный аппарат у него оказался от рождения непрочным. Леша получил четыре надрыва мениска, пережил четыре операции, и в конце концов у него нарушилась координация. Сила есть, выброс замечательный, полет высокий, а прыжки не идут, боится не так приземлиться на колено. Прыжки – особая тема в фигурном катании.

У меня во сне и выезды получались шикарные, приземлялся я мягко, с проездом. Иногда во сне и тройные прыгал. Но это во сне, а наяву имел аксель одинарный и почти научился прыгать флип. Это к четырнадцати-то годам. Но однажды в Саратове, прыгнув флип, я приземлился на прямые ноги... и сразу в голове промелькнула история с детской травмой. Я ездил с родителями на дачу и как-то на остановке, кажется в городе Покрове, побежал к колонке. Жарко, пить хочется. Колонку отчего-то водрузили на постамент, а позади нее – частокол. Хватаюсь за ручку, она остается у меня в ладони, и я лечу прямо на колья. Свалился я удачно: колья разошлись, но какой-то диск в позвоночнике, наверное, чуть-чуть сместился. И когда я приземлился с прыжка на обе ноги, сразу схватило спину...

Спустя год мы попали с Ольгой в «Локомотив», где старшим тренером тогда работал Эдуард Георгиевич Плинер. Мы много тренировались, ездили все время на сборы и почему-то чаще всего бывали в Череповце. Своего искусственного катка у «Локомотива» не было (он появился только в середине восьмидесятых). Мы мотались по арендованным площадкам, чаще всего занятия проходили на «Кристалле» в Лужниках, поздно вечером, уже после хоккеистов и знаменитых школ Тарасовой и Чайковской. Нередко тренировки заканчивались после полуночи, а вставал я рано, мама школу пропускать не разрешала.

Мы с Ольгой много выступали. Тогда в программу входило двенадцать обязательных танцев, позже их стало всего шесть. Не оформилась еще у нас своя танцевальная школа, позже признанная в мире. Только-только Пахомова и Горшков завоевали первый высший титул. Получить хоть какую-то информацию о танцах казалось делом огромной сложности. У той же Пахомовой все переписывали музыку обязательных танцев, можно себе представить, как она звучала на двадцатой копии. Японские магнитофоны тоже можно было пересчитать по пальцам. У нас не сходил с рук книжка англичанки Джоан Кей «Ключ к спортивным танцам на льду», по ней все и изучали основные элементы: правая вперед, внутрь, на три счета. Со временем все перестали к ней обращаться, и лишь старейший арбитр Михаил Гуревич знал точно, в каком из шагов танцоры выдержали нужное количество тактов. Учась по книжке, мы запомнили на всю жизнь каждую из позиций. Если бы я стал тренером, я бы ввел именно эту систему обучения. Дети должны знать, какой шаг они выполняют, на какой счет они должны его делать и на каком ребре. Сейчас обязательные танцы дают десять процентов от всей оценки, может быть, их вообще отменяют, но их знание – культура танца, и никуда от этого не денешься.

Партнерша мне досталась очень способная: растянута, шаг огромный. Тягаться с ней было трудно. На занятиях хореографией наш балетмейстер Галина Евгеньевна Кениг так меня мурыжила, так теребила, что я ей памятник должен поставить. Может, у меня и тогда был танцевальный шаг, но не хватало силы в мышцах. Ноги совершенно не развернуты, о «кораблике» (когда фигурист чертит большой круг, развернув стопы практически в одну линию) мне и не мечталось. «На старости лет», к исходу спортивной биографии (может, оттого, что мышц стало меньше?), я мог сделать «кораблик», но тогда ничего не выходило. Даже поднять ногу в «ласточке» не получалось. А Ольге однажды предложили идти в цирк работать, говорили – «каучук». Я и половины ее махов не вытягивал. Галина Евгеньевна не только жестоко, но еще

и с юмором рассуждала о моих способностях, впору было пойти и утопиться в проруби, если бы мы катались над замерзшим водоемом.

Слишком дорого я заплатил за столб в зале под трибунами ЦСКА: хореография превратилась в сплошное мучение. Я обливался слезами, крупными, как весенний град. Болела после того детского падения спина, а Кениг заставляла меня прогибаться, поднимая мне сзади ногу. Не раз после подобных упражнений меня скрючивало на неделю. Я обматывал себя резиной, а к Тарасовой попал с совершенно больной спиной. Мою афганскую борзую Линду не успевали обчесывать: ее шерсть отсылалась родственникам в Киров, там ее прядли. Оля связала мне из этой шерсти пояс шириной тридцать сантиметров. Сперва он был как мохеровый, потом превратился в войлочный и уменьшился в два раза, так что мне приходилось приклеивать его к спине липкой лентой.

Справедливости ради надо сказать, что свои уроки Галина Евгеньевна Кениг вела необыкновенно интересно. Они мало отличались от уроков профессионалов классического балета. Она и Елена Владимировна Васильева выглядели как замечательные старухи из какой-нибудь советской пьесы: обе постоянно с беломоринами в зубах. Они ходили вдвоем с аккомпаниатором Евгенией Захаровной Гуревич – три богатыря, три кита фигурного катания в Сокольниках. Их надо было видеть, описать невозможно. Потрясающие женщины, прародительницы нашего фигурного катания. Совершенно не изменившиеся за четверть века, с голосами, охрипшими на морозе. Столько раз я говорил себе: надо им позвонить – нет прощения, не звонил. Было замечательное время, моя юность.

С четырнадцати лет мы выступали с Ольгой и на юношеских, и на взрослых соревнованиях, тогда это разрешалось. В 1972 году впервые поехали за рубеж, в Бухарест, на Кубок Дружбы для юниоров. Лена Гаранина и Игорь Завозин, наши будущие друзья по команде Тарасовой, заняли первое место, мы – третье. Я сделал первую покупку за границей: привез себе рубашку дикого цвета с огромным воротником – не писк, но крик моды того времени, а самое главное – остался очень доволен своим первым международным стартом.

В Румынию мы попали весной, а осенью поехали с Оленькой на показательные выступления в ГДР. Мелодия нашего произвольного танца складывалась из музыки к фильмам «Ромео и Джульетта», «Шербурские зонтики», «Иван Васильевич меняет профессию» и из оперы «Иисус Христос – суперзвезда» – вот это диапазон!

Все произвольные танцы пары Абанкина – Букин рождались в квартире Широковых (Надежда Степановна уже готовилась к возвращению после декретного отпуска) на полу, а не на льду. Мама сшила нам костюмы: мне – фрак из отцовских отрезков синего офицерского сукна, а Ольге подобрала для платья тяжелую ткань тех же тонов, но в крупный белый горох. Наши родители дружили, Ольгу привозили к нам домой на примерки. Только-только входили в моду фраки с манишкой, о которых, кроме музыкантов-солистов, то есть от силы сотни человек, никто в стране понятия не имел. Надежда Степановна приносила маме для образца иностранные журналы, чтобы наши костюмы выглядели пристойно. Только в последние наши совместные два года нам как членам сборной шили костюмы уже в ателье.

В ГДР нас возила Тамара Николаевна Москвина, там выступали две ее пары. Всего в турне отправилось четыре дуэта. Прямо с утра, как приехали, сразу – на тренировку. И тут же на ней мы столкнулись со спортивной парой – Мариной Леонидовой и Володей Боголюбовым. Мы с Ольгой начали произвольный танец, а они заходили по диагонали, готовясь к прыжкам... Короче, я сломал лучевую кость в запястье. Ольгу я успел оттолкнуть и снова поймать, она даже не упала. Меня отправили в диспансер, где под общим наркозом наложили гипс. Тамара Николаевна от моей кровати не отходила. Домой нас не отправили и вместе со всеми перевезли в Дрезден, а там я попал в больницу. Ольга на меня жутко обиделась. Ей так хотелось выступать. Потом мы переезжали с командой в разные города. Когда я вернулся, Надежда Степа-

новна и Сергей Гаврилович тоже на меня обиделись, будто я сам сделал все возможное, чтобы рука оказалась в гипсе.

Наступал важный для нас сезон – первая настоящая конкуренция с ребятами из других городов, других обществ, а я на месяц «выключился» и только перед последними соревнованиями, чемпионатом СССР среди юниоров, начал тренироваться. Нашу замечательную произвольную программу Ольга заканчивала прыжком, а полагалось ее ловить как раз сломанной рукой. Мы заняли на чемпионате второе место, хотя нам вполне по силам было и первое. Мне шел шестнадцатый год.

В декабре 1973 года нас выпустили на лед турнира на приз газеты *Les Nouvelles de Moscou* («Московские новости»), что подразумевало достижение определенного уровня. В то время начались разговоры, что будет введен чемпионат мира для юниоров – тех, кому еще нет восемнадцати. У нас с Ольгой появились шансы попасть на это первенство, хотя отбирали на него только по одному номеру от команды. Гаранина и Завозин вышли уже из юниорского возраста, и главными нашими соперниками оказались фигуристы из Ленинграда Наталья Шишкина – Геннадий Аккерман. Гена спустя лет десять станет ассистентом Людмилы Пахомовой, а после ее смерти – тренером отличной танцевальной пары Натальи Анненко и Генриха Сretenского. Но никто из нас на первый юниорский чемпионат не попал, так как на нем неожиданно объявились фигуристы из ЮАР. К тому времени, когда ИСУ (Международная федерация конькобежцев, куда входит и фигурное катание) решила отказаться от контактов со спортсменами из ЮАР, мы с Олюней вышли из юниорского возраста.

Весной 1974 года в Чехословакии в городе Банска-Бистрица на генеральной репетиции предстоящих юниорских чемпионатов я впервые встретился с Кристофером Дином. Он с партнершей, еще не с Джейн Торвилл, заняли третье место, мы с Олей – второе. Победили же брат и сестра Хандшманн из Австрии. Ровно через год мы вновь приехали в Банска-Бистрицу и выиграли турнир, что давало заявку на золотые медали чемпионата юниоров. Увы...

1976 год – наш последний сезон с Ольгой. (Спустя пять лет мне вновь пришлось соревноваться с Хандшманнами и с Крисом – теперь его партнершей уже была Джейн, а я уже катался с Наташей.) Мы на взрослом чемпионате страны заняли пятое место и, как говорится, одной ногой стояли в сборной СССР. Правда, чемпионат прошел без Пахомовой и Моисеевой с партнерами, они уехали в турне по Америке. Спустя месяц в Новосибирске мы были уже третьими в розыгрыше Кубка СССР. Первое место тогда заняли Слава Жигалин и Лида Караваева – ученики Тарасовой, второе – Марина Зуева и Андрей Витман, ученики Чайковской. Из этой четверки Марина одна осталась в большом спорте. Она работала с Екатериной Гордеевой и Сергеем Гриньковым, а после смерти Сережи продолжает опекать Катю.

Соперников среди ровесников мы не имели. Но Надежда Степановна решила, что Ольга неперспективна, и, отобрав у меня партнершу, поставила мне в пару Карину Григорян. С ней у меня ничего не получалось. С Ольгой же мы не только скатались отлично, но и уже любили друг друга.

...За весь первый год совместного катания я ей слова сказать не мог, только «привет», «привет». Взаимоотношения двенадцатилетних мальчика и девочки, оказавшихся в дуэте, – особый рассказ. О том, чтобы проводить партнершу домой, даже мысли не возникало. Я признался Ольге в любви спустя три года в Первоуральске, после соревнований.

Нас отпустили на отдых. Сидим в Москве по домам. Я думаю, как же так, я же ей все сказал, а мы не встречаемся. Позвонить по телефону боялся. Наконец набрался духу, позвал в кино на какой-то иностранный фильм. Встретились мы с Ольгой в метро, но билетов в кассе кинотеатра не оказалось, только по заказу или по брони. Тут я проявил такую прыть, какой от себя не ожидал. Я побежал в телефон-автомат, чтобы заказать билеты на сеанс, который начинается через час. Мне отвечают: «Вы в своем уме? Мы принимаем заказы только на три дня вперед». Как ни кручусь, ничего не получается. Ольга говорит: «Ты знаешь, Андрюша, у нас

в «Первомайском» этот фильм тоже идет». Мы с ней к афише – все правильно. Поехали туда, билеты только на последний сеанс. Мы их купили, а куда деваться, еще часа четыре до начала. Она предлагает: «Может, пойдем к нам, чаю попьем?» А у нее дома родители и бабушка, которую я очень боялся. Но Ольга меня уговорила, и я впервые пришел к ним в гости. На мне красовались папины ботинки 45-го размера на толстой подошве с глубоким рисунком – туда хорошо забивался снег. Мне сказали: «Туфли не снимай, мы собираемся менять паркет». Олин отец, токарь-расточник высшего разряда, все в доме делал сам, в том числе и паркет менял. В той квартире, где мы с ней жили, многое сделано его руками.

Началась суэта, меня посадили в большой комнате за стол, бабушка Александра Афанасьевна все приговаривала: «Ой какой ты худенький, ничего у тебя не болит?» Я сижу и только думаю: «Чем бы мне лужи прикрыть, которые под ногами разливаются?» С того дня и до лета 1980-го, пока мы не поженились и не переехали к моим родителям, я «прописался» у Ольги. Только ночевать домой ездил.

Через год после свадьбы нам дали у метро «Войковская» однокомнатную квартиру. В двухкомнатную на «Речном вокзале» мы перебрались, когда я стал чемпионом мира. Андрюше к тому времени исполнилось два года.

Первая квартира – самый большой в жизни подарок. В тот год мы с Наташей впервые стали призерами и попали в турне, а поскольку чемпионат мира проходил в Хартфорде, отправились по Америке. Из Цинциннати я позвонил домой, а Ольга говорит: «Андрюша, я ордер получила».

Мой папа – полковник, заместитель начальника института по административной части – с упорством служивого человека с детства повторял мне фразу: «Как ты сам будешь относиться к людям, так и они к тебе», и она навсегда въелась мне в душу. Но воспитывала меня мама. До моего рождения она работала швеей, и ее мастерство нам с Ольгой здорово помогло: она шила практически все наши костюмы. Когда я окончил четвертый класс, мама пошла работать в поликлинику – сперва в регистратуру, потом на скорую помощь. Ее медицинская карьера развивалась вместе с моей спортивной, в конце концов мама стала заведующей хозяйством медсанчасти Второго часового завода. Папа, выйдя в отставку, продолжал работать в одном из министерств.

В «Локомотиве» я тянулся за Андреем Шиковым. Добродушный, энергичный, его всегда переполняли безумные несбыточные идеи, он казался мне очень взрослым, хотя разница у нас всего четыре года. Галантности я учился у Лийво Ренника (он стал хорошим тренером). Лийво из Таллина и говорил с акцентом, что придавало ему заграничный шик. Третий пример для подражания – Игорь Корешов; он в отличие от Шикова реалист, даже прагматик, но и под его влиянием я долго находился. Имена, которые я называл, негромкие, хотя ребята входили в сборную и в спорте они честно сделали все, что могли. В интервью о них никогда не вспомнишь, но сейчас, размышляя не спеша, невозможно их не назвать.

Собственно, и все мои тренеры – мои воспитатели. Тогда в танцах на льду работали исключительно интеллигентные люди, и мне доставляло удовольствие смотреть даже на то, как они общаются между собой. Мне нравилось, что с человеком ниже себя рангом они разговаривают так же уважительно, как сейчас обычно говорят с начальством. Наверное, из общения в детстве и в юности с определенными людьми складываются твои взгляды на жизнь. Воспитание заканчивается в тот момент, когда человек может сам себя правильно оценивать. Я всегда знал, что если не пойду работать в шоу, то, скорее всего, начну заниматься функционерской деятельностью в спорте, тренером работать никогда не хотел и знал почему, знал, чего мне не хватает. Мне не нравится, когда чемпионы, я уж не говорю о «подающих надежды», позволяют себе пренебрежительно говорить с теми, кто их обслуживает. Как взрослый человек я понимаю, что такое поведение идет от воспитания с самого раннего детства.

Встреча

НАТАША. Галина Евгеньевна Кениг умудрялась за час, выделяемый на хореографию, поставить целый спектакль. Но так как мальчиков в фигурном катании всегда не доставало, она собирала на свой класс сразу всех, кто тогда тренировался в «Локомотиве»: танцоров, парников, одиночников. Мы изучали то классические, то характерные танцы, и для меня самым любимым днем был тот, когда занимались характерными танцами. Андрюша прежде всего составлял пару с Ольгой, затем снисходил до меня, потом ему доставалась еще одна девочка.

Танцевать с Андреем мне очень нравилось. Мы легко понимали друг друга. Я любила придумывать по ходу что-то новое, он моментально подхватывал. Я росла стеснительной девочкой, всегда побаивалась партнеров, а с Андреем чувствовала себя удобно и легко. Спустя много лет Галина Евгеньевна мне сказала: «Не зря я вас вместе в пару ставила».

Через какое-то время я заметила, что Надежда Степановна ко мне присматривается. Я догадывалась, что Андрею собираются менять партнершу, слышала, как приговаривали: «Ой какая длинненькая, какая стройненькая, какая хорошенькая, она бы ему подошла». Тут я ушла к Плинеру, и сразу для меня все те разговоры стали нереальными: были ли они или мне казалось, что были? Но когда Андрей предложил с ним кататься, для меня это не стало большой неожиданностью. Если бы мне предложили кататься с другим партнером, я, скорее всего, не согласилась бы. А тут я знала, к кому иду.

Задолго до этого дня, когда Антонина Ивановна ушла в декрет и я осталась без тренера, меня пригласила к себе Чайковская в пару к Анисимову. Он сам искал партнершу и пригласил меня от ее имени – Чайковская до того дня меня никогда и не видела. Надо ли говорить, что в те годы означало попасть к Чайковской – это тренироваться на одном льду с Пахомовой и Горшковым! Родители Анисимова пригласили нас с мамой в гости. Он уже выполнил норму мастера спорта, а у меня был всего лишь второй разряд, но забавно то, что Елена Анатольевна, даже меня не посмотрев, решила, что я ей не подойду. А я ходила счастливая: как же, буду у Чайковской. Но, с другой стороны, мне совсем не нравился Анисимов. Он ждал меня около катка, очень хотел, чтобы я каталась вместе с ним, но я пряталась и убегала.

А к Андрею я хотела в пару сама, хотя с моим переходом не все складывалось легко и просто. Я тяжело прощалась с Плинером, страшно было и уходить из одиночного катания. Первое время я даже жалела о своем поступке. Будто бы потеряла все, что имела, пусть и немного. В одиночном катании я хоть знала свое место. Пришла же в неизвестность. Я была предана Плинеру всем сердцем. Но постепенно поняла – большего в фигурном катании не достигну, дальше не продвинусь. А кататься, чтобы занимать десятые места, – это не для меня. Вот тогда я снова начала подумывать о балете на льду. Тем более что Марина Кульбицкая, моя подруга, занимавшая в спорте те же места, что и я, ушла в балет, где стала солисткой. И мне хотелось того же.

Вообще-то мы с Мариной вполне могли бы поменяться местами, так как сначала Татьяна Анатольевна предлагала стать партнершей Андрея ей, но Марина не решилась. А Тарасова, что на нее не похоже, не настаивала. Марина была крупной девочкой, разговорчивой, общительной и, хотя она на год меня младше, выглядела взрослее. Ей, наверное, уже надоело постоянно кому-то подчиняться, как это требуется в спорте, хотелось свободной жизни...

Первые три месяца – январь, февраль, март – Тарасова с нами совсем не работала. Она ездила на чемпионат Европы, потом на чемпионат мира, потом турне – дел у нее хватало. Мы ковырялись на катке вдвоем. Хорошо еще, что Андрей не только много знал, но и умел показывать. Большинство спортсменов слушают-слушают тренера, а потом и у самих появляется желание с кем-то поделиться опытом. Я оказалась в Северодонецке на показательных выступлениях, попав туда сразу после соревнований в Праге, где выступила неудачно: заняла там

пятое место, а не призовое, на что рассчитывала. Правда, первой там стала девочка – пятая на мировом первенстве, а третья получила на следующий год бронзовую медаль на чемпионате Европы. Но мне казалось, что они ничем не лучше меня. Я приехала в Прагу без тренера, никто за меня не переживал, ни один наш судья там не присутствовал. Вернулась в Москву в упадническом настроении, и, когда Эдуард Георгиевич сказал: «Тебя приглашают на показательные, поедешь?», я согласилась – хотелось развеяться. Никаких предчувствий, что завтра изменится моя судьба, у меня не было.

Первой с предложением перейти к Тарасовой ко мне подошла ее тогдашний хореограф Лера Кохановская, а потом уже подъехал Андрюша. Я сидела за бортиком, а он катался передо мной по краю катка: «Наташа, как ты смотришь на то, чтобы перейти в танцы?» Наверное, он нервничал, но мне показалось, что такой важный вопрос он задал как-то равнодушно. Он взрослый, ему девятнадцать, мне – шестнадцать, я совсем еще ребенок, а с детьми надо говорить по-другому. Кстати, долго мне казалось, что Андрей значительно старше. Прошло лет шесть, пока я не почувствовала себя с ним наравне. А первые два года он казался мне недостижимым, представителем другой, взрослой жизни.

АНДРЕЙ. К сезону 1976 года мы, чувствуя отношение тренера к Ольге, готовились плохо, часто ссорились. Надежда Степановна нам добавляла «радости», не скрывая своего отношения к перспективам нашего дуэта. Не ладилась новая программа. Я стал придирчиво относиться к обязательным танцам, пришла пора делать в них скачок, но Надежда Степановна уже не находила для нас времени, да и Ольга устала от того, что на нее все давят.

Первый старт в сезоне состоялся в июле в Вильнюсе на Кубке профсоюзов. Накануне соревнований мы уехали в Москву, но начальство нас вернуло. Улетели в воскресенье утром вместе с Надеждой Степановной, а вечером уже без нее поездом поехали обратно. Родители во всю эту катавасию не вмешивались. Я с четырнадцати лет сам решал свои спортивные проблемы, и они мне доверяли.

Помню, как ежедневно после школы я ехал прямо к Ольге, а бабушка, которую я так боялся, стала лучшим моим другом. Так прошли девятый и десятый классы. В девятом я долго страдал, а в десятом признался Ольге в любви. Произошло это так. В Первоуральске на новогоднем вечере, когда мы провожали 1974 год, за Ольгой стал ухаживать Боря Харитонов, был такой фигурист. Ольга с ним даже танцевать пошла. Пришлось мне с Борькой поговорить. Я никогда в жизни не дрался, но тут начал хватать Харитонova за грудки и объяснять, что если еще раз подобное увижу... А чтобы укрепить свои позиции, пришлось сказать: «Оля, я тебя люблю». Стояла уже ночь нового, 1975 года.

Разве после всего, что произошло между нами, я бы смог кататься с другой девочкой? Но Ольга сама решила, что с фигурным катанием для нее покончено. И я склонялся к такому же решению. Мы уже окончили первый курс института, мастера спорта, взрослые люди. Прошло несколько месяцев, как мы не тренировались, и тут я встретил мужа Надежды Степановны – Сергея Гавриловича. Он спросил: «Хочешь еще раз попробовать? В группе Тарасовой мальчишки нужны». Через некоторое время он позвонил домой с тем же вопросом. Я к Ольге: «Олюнь, что делать, приглашают в группу Тарасовой». Она: «Решай, как сам хочешь». Мы сдавали зимнюю сессию, писали ночи напролет шпаргалки по общественным наукам. Первая и последняя нормальная сессия, дальше таких уже не получалось.

К Тарасовой на тренировку я впервые попал в октябре, а на первый сбор с ее учениками отправился в ноябре. Причем билет на поезд в Северодонецк я покупал сам, талоны на питание получал чужие. Официально я у нее еще не числился. Я Татьяне Анатольевне сразу предложил Ольгу. Она мне сказала: «Подумаем», – а Ольга ни в какую: «Не пойду!» Хотелось мне настоять, но я этого сделать не смог, а спустя три или четыре года Ольга мне сказала: «Почему ты не заставил меня вернуться?»

НАТАША. Предложение перейти в танцы подняло мне настроение. В душе я понимала, что карьера одиночницы подходит к концу. Домой я вернулась в смятении. Мама меня встретила около автобусной остановки, мы пошли домой, я говорю: «Мама, мне в танцы предложили перейти», – и начинаю плакать. Она никак не могла понять, отчего я реву, а я просто не знала, что мне делать. А потом решила, что я нервы себе треплю, да пропади они пропадом, эти танцы. Не хочу о них даже вспоминать, раз это доставляет столько беспокойства – не хочу. На чемпионате страны я выступила плохо и ходила после него на тренировки с такой мыслью: «Пусть я десятая, зато теперь еще больше работать буду». Только дня два или три продержалась у меня эта мысль.

Тренировка у Плинера с восьми до одиннадцати утра, потом приходит группа Тарасовой. Мы встречаемся с Андреем, но он мне ничего не говорит. Я подумала: «Ну и ладно, и слава богу». Обида не возникла, я так напереживалась и изнервничалась, что уже сил на обиды не осталось. Но тут после очередного моего неудачного приземления (я пыталась сделать тройной прыжок) подходит ко мне Татьяна Анатольевна и говорит: «Хватит тело портить, давай приходи в танцы». Она так легко это сказала, что я вечером просто взяла и пришла на тренировку танцоров. У нее вообще есть свойство с легкостью решать судьбы людей. Но Татьяна Анатольевна в этот вечер на каток не пришла. «Как она может так поступать! – переживала я. – Завлекла, а сама про меня забыла». При моем характере подобный визит – героический поступок. В глубине души я таила план: в крайнем случае сразу сбегу обратно в свое родное одиночное катание. В этот вечер рядом почему-то оказались парники из ЦСКА Надежда Горшкова и Евгений Шеваловский, и он, бодро проезжая мимо, сказал: «Да не красней ты так! Если что, мы тебя поддержим». Чем меня собирался поддержать Шеваловский, и сейчас понять не могу, но мне почему-то стало легче.

На следующий день Татьяна Анатольевна на каток пришла, о чем-то с нами говорила, но я ничего не запомнила. Меня не покидало ощущение неудобства, что кто-то все время рядом и под него необходимо подстраиваться. Это ощущение осталось как самое сильное от наших первых тренировок. Только и слышала, как Андрей рядом тяжело дышит, и все время думала: «Боже, что же он так задыхается?» Он долго один катался и, наверное, вышел из формы, а я только с соревнований. Андрей стеснялся и старался скрыть усталость. При этом ему приходилось все время мне что-то объяснять. Он говорил и показывал шаги, говорил и показывал позы. Он, наверное, дыхание натренировал за эти дни до полного совершенства.

Через месяц я привыкла, что рядом всегда есть партнер, – и началось счастье. Я все время смеялась. Смеялась как ненормальная. На меня, похоже, все так и смотрели. А я хохотала до безумия. И еще начала поправляться. Другая нагрузка: не нужна такая точность, которую требовали прыжки. И я начала пухнуть как на дрожжах. Татьяна Анатольевна сказала: «Наташа, возьми себя в руки». Я быстро вернула себя в прежний вес, но от стереотипов одиночного катания избавлялась года четыре. Я уже сложившейся фигуристкой попала в танцы, в семнадцать лет, это поздно, и то, что у нас с Андреем получилась пара, – конечно, чудо! И именно потому, что мы работали как звери.

АНДРЕЙ. Крытый каток на СЮПе (Стадионе Юных пионеров), где в дальнейшем протекала моя спортивная жизнь, начал работать в конце 1977 года, поэтому мое знакомство с Тарасовой происходило в лужниковском «Кристалле». Тарасова сидела у борта и свистела в два пальца, она лихо умеет это делать. Я подошел: «Татьяна Анатольевна, здравствуйте, это я – Андрей Букин». Она, не спуская глаз со льда: «Ну что стоишь, иди одеваться, катайся». Я переоделся, вернулся, покатался, в конце тренировки она сказала: «Приходи еще». И уехала на следующий день. Осталась ее ассистентка Люда Суслина. Я ежедневно заявлялся на тренировку, хотя никто на меня внимания не обращал. Возможно, мне учебы в институте в жизни было мало, а может, я не накался за предыдущие годы, но уходить со льда не хотелось. Да и все друзья отсюда, из фигурного катания: Слава Жигалин, Андрюша Миненков. Я с ними без-

успешно соревновался с 1973 года, мы же варились в одном котле. Через двадцать дней вернулась Татьяна Анатольевна: «Бери билет, поедешь со мной в Северодонецк». На сборы меня брали нелегально. Никакой стипендии Спорткомитета я не имел, нам с Ольгой ее сняли сразу, оставалась только студенческая стипендия. В Северодонецке я тренировался, как обычно, с утра до вечера, с утра до вечера. Один. Татьяна Анатольевна велела накачать мышцы спины, сделать посадку пониже: «Придет партнерша, неважно кто, и пока ты ее научишь, отдашь половину своей техники, видишь Жигалина – начал кататься с Лидой и половину потерял». Действительно, у Славика наблюдался спад. Теперь мне кажется, что, скорее всего, фигурное катание сделало скачок вперед, а он остался в прошлом, с прежней партнершей Таней Войтюк. И пока не успевал дойти до нынешнего дня с Лидой Караваевой. Смена партнерши, как правило, – потеря года, не меньше, и не имеет значения, занималась она в прошлом танцами или нет.

В Северодонецке группа Тарасовой устроила показательные выступления, на которые приехали и ученики Плинера из «Труда». Татьяна Анатольевна показывает на Наташу и мне говорит: «Посмотри, чем тебе не партнерша?» – «Да что вы! – я ей отвечаю. – Я же эту девочку давно знаю, зачем мне рыжая партнерша?» Но Татьяна Анатольевна велела: «Пойди поговори с ней от моего имени».

Я подъехал к Наташе, а она: «Ой, я не знаю, я же в одиночном катаюсь». И все. Я передал эти слова Татьяне Анатольевне, потому что считал ее выбор несерьезным и не придавал ему большого значения. И когда после чемпионата страны Тарасова мне сказала: «Придет Наташа, будете с ней пробовать», – меня, мягко говоря, это поразило.

Наташа пришла на первую нашу тренировку 13 января 1977 года.

В апреле 1979 года мы уже выступали на чемпионате мира в Вене. Прошло чуть больше двух лет. Невероятный случай: ведь нам за это время необходимо было обыграть всех танцоров в стране за исключением Моисеевой с Миненковым и Линичук с Карпоносовым. Подобное могло получиться только у учеников Тарасовой и Жука. Конечно, я на такое и не рассчитывал.

Стипендию Спорткомитета мне восстановили в «Локомотиве» спустя год, когда мы впервые выступили вместе с Наташей. И только через три года нас перевели в «Труд», поскольку Тарасова работала тренером этого общества.

Пока Татьяна Анатольевна отсутствовала, мы приходили каждый вечер с восьми до десяти заниматься танцами. Причем Наташа еще готовилась к Кубку Союза как одиночница. Никто на нас не смотрел, никому мы не были нужны, и первый серьезный человек, который сказал, что из нашего дуэта может выйти толк, – Ольга. Она раз пять приходила к нам на тренировки, объясняла Наташе обязательные танцы. Я ничего толком ей рассказать не мог. Мы с Ольгой вместе родились и восемь лет росли как танцоры. С Наташей я выступал одиннадцать лет, но первые лет шесть, когда мы разбирали вальс, мне хотелось ей объяснить, как мы его делали с Ольгой. Перед последним спортивным сезоном нам с Наташей дала несколько уроков в обязательных танцах Бетти Калловой, знаменитый тренер многих английских чемпионов, в том числе Торвилл и Дина. Во время этих занятий я вспомнил тренировки у Надежды Степановны. Она нас учила правильно, другое дело, что нам с Ольгой не хватало сил на всю серию.

НАТАША. Нас с Андреем объединяло желание чего-то добиться. Если не сейчас, то когда? Наша спортивная жизнь заканчивалась. Мне – семнадцать, ему пошел двадцатый. Моисеева и Миненков в этом возрасте стали чемпионами мира. Но о таких высотах я и не мечтала. Может, Татьяна Анатольевна видела за нами будущее, мне же важен был сам факт, что мы тренируемся, есть шансы попасть на соревнования – уже этого достаточно. И когда осенью 1977 года в Липецке на Международном турнире профсоюзов мы заняли первое место – не знаю, как Андрей, я оказалась в шоке. В произвольном танце мы наделали кучу помарок. Я на старте опять начала трястись ни с того ни с сего – так бывало, когда я только пришла из одиночного катания. Мы с Андреем участвовали уже во многих показательных выступлениях,

и мне казалось, что эта нервозность ушла. Ничуть не бывало. Возможно, сыграло свою роль то, что Татьяна Анатольевна первые два дня находилась рядом с нами, а накануне последнего уехала в Москву, где ее ждали Роднина и Зайцев. Я устала от первых соревнований и выступила далеко не в полную силу, хотя та произвольная программа одна из самых моих любимых – испанские танцы.

За полгода до Липецка, зимой, в Горьком, прошел мой первый тренировочный сбор в группе Тарасовой. Льда предоставили много, расписание составили хорошее, мне полагалось как одиночнице выступить в марте на Спартакиаде народов СССР. Поэтому я рано утром проходила с одиночниками «школу», а потом уже с Андреем отправлялась на тренировки танцоров. Днем я отрабатывала прыжки, а вечером снова танцы. Несмотря на такую нагрузку, я носилась по катку в замечательном настроении, хотя и падала все время. Заниматься танцами приходилось на коньках, которыми пользуются одиночники, а они длиннее. Перейти же на танцевальные я не могла, мне же еще предстояло прыгать. Поэтому в некоторых танцевальных элементах я наступала себе на пятку и падала головой об лед. Прошло много лет, но еще долго парочка танцевальных шагов заставляли меня побаиваться последствий. Уж очень здорово я падала – наотмашь. На Спартакиаду прямо с чемпионата мира приехала Татьяна Анатольевна, выглядела она крайне недовольной: «Продолжаешь портить тело...» Но я ходила счастливая, я всем нравилась, похудела, много тренировалась, и жизнь мне представлялась очень интересной. К тому же Марина Зеленецкая отдала мне свое ярко-синее платье, сшитое в мастерских Большого театра. Как мне казалось, я блистала. И вокруг все говорили: «Как же тебе на пользу пошло то, что ты перешла в танцы». Тут же возникала мысль: «Что же я так круто все меняю, если у меня теперь хорошо с одиночным катанием?» Конечно, я себя обманывала, сложные прыжки я из программы изъяла, следила только за чистотой проката и заняла пятое место. Вернулась в Москву, выступила еще и на Спартакиаде столицы, получила кучу комплиментов, но тут я почувствовала, что скучаю по танцам. После Спартакиады народ поехал в турне по Сибири, а я – домой. Летела я ранним-ранним утром. Людя Баконина, с ней я вместе жила, проводила меня на ночной автобус, отправляющийся в аэропорт. Почему-то остался в памяти этот полет из Ижевска в Москву. Может быть, потому, что тогда я окончательно поняла: лечу домой тренироваться в танцах, я отныне не одиночница. Моя прошлая спортивная жизнь в Ижевске закончилась.

Зимой Андрей неделю болел, меня подхватил Женя Севрюк. Мы занимались недолго, мне было с ним неудобно кататься, не складывалось. Наверное, я за месяц успела привыкнуть к Андрею.

АНДРЕЙ. С Наташей мне поначалу приходилось тяжело. Одиночники – каменные люди, у них же ноги – железобетон. Чтобы этот железобетон превратился в ноги танцора, мягкие и эластичные, должно пройти немало времени.

Когда я встал рядом с Наташей, первые ощущения оказались нерадостными. Она каталась сама по себе, ее не волновало, что рядом с ней кто-то стоит. Долго я с таким ощущением и тренировался, и выступал. Чувство партнера должно прийти само. А я в двадцать лет был не в состоянии объяснить, что такое понимание друг друга. Правило это для меня по сей день туманно, внятно его определить я и сейчас не способен. Тем не менее поначалу я больше работал языком, чем коньком. Думаю, как только ноги у Наташи стали танцевальными, то скольжение тут же сделалось мягким, а случилось это уже ближе к Олимпиаде в Сараеве, то есть в 1984 году, спустя семь лет после того, как мы встали в пару. Прежде она почти не приседала, а низкая посадка дает большую устойчивость, меняет технику шагов. Чем острее угол в коленях, тем лучше посадка (Тарасова меня здорово «посадила»), но и силы в мышцах должно быть намного больше. Парники такую нагрузку получают автоматически, все время подсаживаясь под партнершу, ведь поднимают ее ногами, руки только для поддержки. А у танцоров нужная

мышца (четырёхглавая – от колена и выше по бедру) напрягается оттого, что ты все время вытягиваешь ногу. По ногам видно, кто есть кто: кто одиночник, а кто танцор.

Наступил момент, когда Тарасова нас заметила и тут же очень резко взяла в оборот. Но мне понравилось, как она ставила нам танец. Каждый такт музыки она требовала выделять жестом, шагом, объясняя, зачем надо делать именно так, без всякой приблизительности. Вряд ли в то время кто-нибудь верил, что мне скоро придется соревноваться со знаменитыми учениками Тарасовой Андреем Миненковым и Славой Жигалиным, хотя авторитетом они меня не подавляли. Я их уважал, но никак не боялся. Наташа не капризничала, но ей приходилось нелегко. А мне? Ведь никакая она не партнерша. Получилось, что я танцор, который катается с одиночницей. Я просил, чтобы Ольга объяснила Наташе, что она не одна, она стоит в паре, она партнерша. Невозможно было все время за ней бегать. Она летит вперед, ног под собой не чуя, а я все пытаюсь рядом с ней пристроиться.

Со своим первым показательным танцем мы почти не выступали и позже передали его молодой паре, чтобы те не начинали с нуля. За произвольную программу взяли в мае-июне, Тарасова распустила всех своих «тарасят» на отдых и занималась только с нами. В таких условиях я еще никогда не тренировался. Нам с Ольгой доставались в Москве крохи искусственного льда. Уедем на сборы – набираем форму, приедем – теряем, так и двигались скачкообразно. А здесь планомерный мощный рост.

Весь первый год я радовался только тому, что наконец и на меня обратил внимание тренер, и какой тренер! Что работает Тарасова со мной с удовольствием, отнимая время даже у именитых, и наконец у меня есть партнерша. Но никаких грандиозных планов на будущее я не строил. Они появились позже, а разговоры нашего тренера о будущем чемпионстве мне казались странноватыми.

НАТАША. Конечно, я Тарасову побаивалась, хорошо, что Роднина и Моисеева ходили на тренировки через раз, отдыхали после сезона, они хоть не смущали. С первых же тренировок я Татьяну Анатольевну подкупила, видимо, тем, что умела хорошо слушать тренера, причем со стопроцентной отдачей. Она, наверное, со своими звездами давно такого не видела (сейчас я понимаю, что испытывает тренер, когда знаменитый ученик критически воспринимает любое твоё замечание), а тут стоит девочка, которая с открытым ртом тебя слушает. Каждое пожелание выполняет мигом, что недосказали – сама допонимает. Некоторые танцевальные позиции мне давались с трудом – не та посадка, не то скольжение, но какие-то элементы даже в обязательных танцах я легко подхватывала и в целом считалась сильной фигуристкой.

Менять коньки всегда трудно, а тут надо менять и ботинки. Обладать двумя парами сидящих точно по ноге и хорошо разношенных ботинок для меня тогда было слишком жирно. Даже коньков танцевальных я тогда полгода не имела. Татьяна Анатольевна принесла мне откуда-то танцевальные коньки, Андрюша поменял их на ботинках, и первое время кататься в них мне оказалось страшно неудобно. Все, чему я уже научилась, – все разладилось. Потом потихоньку первые навыки восстановились, но все равно года через три я вновь перешла на длинный конек. Не такой, конечно, какой у меня был в одиночном катании, но все же немного больше, чем у танцоров. Скольжение сразу улучшилось, но такие решения приходят с опытом, все это очень индивидуально.

Мы готовили обязательные номера, и Татьяна Анатольевна приводила на тренировки Игоря Бобринина показать, что мы сделали. Не надо и говорить, как я старалась. То ли Тарасова знала о моих симпатиях, то ли просто доверяла его мнению, приходила с ним под ручку, они усаживались и смотрели. Потом она мне говорила: «А Бобрин про тебя сказал то-то...» Возможно, она приводила слова обо мне не только Игоря, но в моей памяти остались лишь ссылки на мнение Бобринина.

Татьяна Анатольевна с хореографом Еленой Матвеевой начали с того, что поставили нам медленный показательный танец. Его музыка часто звучала в различных заставках, никто ее

не запоминал, а я ее очень люблю, ведь это музыка моего первого показательного танца. Я себя иногда ловила на том, что буквально теряю от этой мелодии сознание. Наступало какое-то затмение. На улице стоял май, и я цвела вместе с природой.

Потом меня отпустили сдавать экзамены за десятый класс, мы не тренировались, но каникулы продолжались недолго, дней десять, сразу после экзаменов я отправилась со всеми «тарасятами» в Томск. Мой первый постановочный сбор, первая танцевальная программа. В Томске мы с Андреем тренировались как бешеные, без выходных. Сколько часов мы проработали и на льду, и в зале, сказать трудно. Работали, работали, становились все лучше и лучше, и все больше нравились Татьяне Анатольевне. Она нас с катка не отпускала, сколько могла сама на тренировках сидеть, столько мы с Андрюшей и катались, и все в полную силу. Я обожала свою программу, и от потока новых ощущений, оттого, что каждый раз можно что-то в ней прибавить, каждый раз можно что-то сделать по-другому, расходилась до безумства. В момент рождения программы идет поиск, импровизация, но потом все доходит до какого-то автоматизма. Ужасно обидно, но счастливое время сменяется будничным.

Мои друзья, увидев наш дуэт, поражались, насколько я изменилась. Пропал страх, что могу сорвать прыжок, появилась поддержка – в буквальном смысле слова: отныне я выходила на лед не одна.

В Одессу на последний сбор перед сезоном специально приезжала мамина сестра – тетя Неля. Она обожает меня, с детских лет она мой ангел-хранитель. Мама рассказывала, что прямо с вокзала тетя Неля отправилась к нам домой и в полном восторге пыталась всю ночь продемонстрировать маме наш с Андреем танец. Мама сделала скидку на равнодушное ко мне отношение своей сестры и почти поверила, что я затеяла ненепростое дело. Сама она на мои соревнования не ходила. Последний раз, когда она сидела на трибуне, я разбила на ее глазах колено и докатывалась, обливаясь кровью. Мама ушла домой в слезах. Но тут они с папой, под впечатлением от рассказов тети Нели, решили прийти посмотреть на нас на Открытом первенстве Москвы, которое проходило в октябре. Когда кончился произвольный танец и стало ясно, что мы с Андреем выиграли, они долго друг на друга не смотрели, а повернувшись, увидели, что каждый из них плачет.

И папа, и мама испытывали огромную благодарность к Татьяне Анатольевне. Надо ли говорить о той признательности, которая наполняла меня. На дне рождения тренера, когда в ее дом набились десятки людей, три четверти из которых знаменитости, я встала и сказала (чего мне это стоило – отдельная тема, я обычно боюсь рот открыть, а тут столько людей...): «Спасибо Татьяне Анатольевне, она возродила нас с Андреем».

Я вдруг поняла, что возродились мы не зря, мы нужны публике. Мы управляли ею, и этого никогда прежде не испытывали ни Андрей, ни я. Начиналась медленная часть нашей испанской программы, и я видела, как зал затихал. Такого внимания добиваются годами. А мы были дебютантами. Первый наш серьезный турнир – на приз газеты Les Nouvelles de Moscou. Мы заняли на нем восьмое место, хотя только подходили к первой своей годовщине, а ведь там собралось столько сильных и опытных пар.

И осенний сбор, и чемпионат СССР 1978 года проходили в Одессе. Через месяц нас снова туда пригласили, уже на показательные выступления. Одесситы нас помнят и до сих пор спрашивают: «А помните, как вы здесь начинали в смешных зеленых костюмах?» Материал для них нам купила и привезла из Италии Татьяна Анатольевна. Шили их в спортателье под руководством дизайнера Александры Зиновьевны Белецкой, и мы еще года два в них выступали.

На сборах я большей частью гуляла одна. Андрей дружил с Моисеевой и Миненковым и время проводил с ними. Но в компании я не нуждалась. Во-первых, я их всех очень стеснялась, во-вторых, привыкла быть одна. Единственное общение – с Мариной Кульбицкой, старой моей знакомой из Ленинграда. Она тренировалась у Мишина, и его группа тоже приехала в город,

где мы уже обустроились. «Господи, ты еще похудела», – грустно говорила Марина, когда мы усаживались с ней поболтать. (Я буквально таяла от настоящих тренировок.)

Мама пришла к Татьяне Анатольевне узнать, как я приживаюсь в танцах. Тарасова поругала меня за то, что я толстая, потом сказала, что, в общем, я катаюсь интересно, но главное – у нее всегда поднимается настроение, когда она на меня смотрит. Мама не разделяла моих восторгов к Тарасовой, она относилась к моему тренеру сдержанно. Мама видела, как я устаю, что иногда плачу, а может, она и ревновала чуть-чуть, ведь домашние только и слышали: «Татьяна Анатольевна сказала, Татьяна Анатольевна сделала...» Обычно у мальчика или у девочки при взрослении появляется кумир. Моим кумиром стала Татьяна Тарасова.

От Вены до Сараева (1978–1984)

НАТАША. Программа второго нашего совместного года определилась в начале мая 1978-го. Мы приехали к Славе Жигалину на дачу отмечать конец сезона. Огромный дом (я первый раз такой видела). Славин папа был тогда министром. Съехалась почти вся сборная, соревнований нет, впереди Сибирь с показательным туром, а там отношения обычно складываются замечательные даже у соперников. С большим опозданием приехали Татьяна Анатольевна и Елена Матвеевна Матвеева, известный хореограф. И вид у них был (или мне так сейчас кажется) заговорщицкий. Но я помню – обе они были в крайнем возбуждении. Долго хранить тайну они не могли. Если выбор программы сделан, Татьяна Анатольевна выглядит так, будто у нее весь мир в кармане. Она нам тут же рассказала, что они весь день работали и наконец у них родилась гениальная идея – произвольный танец на музыку из фильмов Чаплина.

Но у меня это известие вызвало жуткий страх. Я в одиночном катании всегда выступала под классику, а последняя моя произвольная программа вообще исполнялась под орган. Правда, в коротких программах я чаще всего использовала цыганские мелодии. Но чтобы Чаплин, чарльстон – такого мне еще никто не предлагал, и, честно говоря, я была в ужасе: что же у меня получится? Когда мы вышли на лед и начали что-то пробовать, Андрюша заразился этой идеей сразу, к такой музыке он как танцор привык. Даже чарльстон, оказывается, в какой-то программе прежде катал. Поэтому он очень легко все схватывал. А я? Я с большим удивлением смотрела на него. Он шутил, подпрыгивал, бегал, я же никак не могла выйти из оцепенения, но потом тоже вошла во вкус. Мы хохмили и сами смеялись над своими шутками, что очень нравилось Татьяне Анатольевне и Елене Матвеевне. Это время, пока ставили произвольный танец, осталось в памяти как время постоянного веселья.

Они то хвалили нас, то подзадоривали, и танец рождался вроде бы сам собой, без натуги. Его поставили за пять дней. Могли бы и быстрее, но во время работы над последней частью Андрюша пропорол мне ногу. У меня сейчас обе надкостницы насквозь пробиты, но первую травму я получила на этой программе. В ней была такая заводная пробежка, Андрей увлекся, разошелся и как саданул мне коньком по ноге...

Последняя часть, кстати, рождалась дольше первых трех. Так всегда потом будет складываться – вроде раз, и все готово, только никак не получается конец, а иногда – начало.

После отпуска мы приехали в Томск. Вчерне мы уже все разобрали, не освоенным до конца остался кусочек из медленной части: как мне на партнера запрыгивать и как с него падать. Я не могу сказать, что способна сейчас, двадцать с лишним лет спустя, протанцевать «Чаплина», но какие-то ключевые моменты танца помню прекрасно. Обидно, но танец не заснят, видеоаппаратура в стране тогда только-только появилась.

В Томске, когда началась настоящая накатка, Андрюшке стало плохо. Уже никто не хохмил, приходилось работать, и много работать. Мы катали, и не раз за тренировку, по две части сразу – это всегда тяжело, но особенно когда ты в самом начале сезона. Морально я себя чувствовала куда лучше Андрея. Все для меня внове, все нравится, от программы я в восторге. Привычка много работать и полная раскованность тоже сказались.

То лето в Томске запомнилось мне еще и созданием показательного танца, наверное, одного из самых лучших у нас. Я долго мечтала его повторить, хотя сейчас он, наверное, выглядел бы странно. Танец условно назывался «Мираж». Елена Матвеевна во время перерыва показала нам его романтический рисунок, но, как мне кажется, придумала его Татьяна Анатольевна, чтобы отвлечь нас от произвольной программы, создать некий контраст с веселыми движениями «Чаплина».

Много лет спустя я случайно наткнулась на эту довольно популярную музыку, и мне так захотелось закружиться снова. На первом нашем чемпионате мира в Вене мы во время

показательных выступлений продемонстрировали наш «Мираж», но тогда он не прозвучал – наверное, мы до него еще не доросли. Прием из этого танца – будто выходишь из-за стены – позже использовали многие.

Я даже не вспоминала о своем одиночном прошлом, но сообщение, что мы в апреле едем на чемпионат мира в Вену, для меня прозвучало ошеломляюще. В тот год я начала резко поправляться. Какой-то кошмар, ничего не помогало, я не знала, что с собой делать, Татьяна Анатольевна ругала меня страшными словами. До определенного возраста обычно все фигуристки пухленькие, потом, как правило, вес приходит в норму.

Выступили мы на первом своем чемпионате неважно. Плохо откатали обязательную программу, Андрюша цеплялся ногами за борта. Одна оставалась надежда – не опозориться бы на произвольном танце. К счастью, мы откатали его так, как никогда. Нас заметили, несмотря на десятое место, далекое от призового, пригласили на показательные выступления. Я испытала настоящее счастье.

АНДРЕЙ. Поездка на чемпионат в Вену на меня свалилась, как подарок судьбы. И двух лет не прошло, как мы с Наташей оказались в паре, и решение тренерского совета – заслуженное или, как кто-то считал, незаслуженное – мною воспринималось как награда за огромный труд. Тренировались мы много, по восемь часов в сутки, до изнеможения...

Мне все нравилось на чемпионате. Я и раньше ездил на международные состязания, но не такого ранга. Опекал меня Андрей Миненков, мы с ним вместе тренировались. Я держался все время при нем, внимательно прислушиваясь ко всем его высказываниям. Прошли мимо американцы в одинаковых красных куртках, Андрей со знанием дела говорит: «Да, новую форму себе сделали для чемпионата, вот это подход к делу». А мы приехали кто в чем, хотя каждый, конечно, взял с собой самые красивые вещи. Потом оказалось, куртки, что на американцах, бесплатно выдают всем участникам чемпионата. «Вот что значит мировое первенство, – размышлял я, – не успел приехать, уже подарки. Праздник». Но уже со второго своего чемпионата и до последнего, десятого, я так не думал. Нас поселили в дорогом красивом отеле, рядом старый парк с конюшнями, где проводили соревнования по выездке. Мы с Андреем гуляли в парке, и я как откровение воспринимал от него то, что и сам уже давно знал: перед соревнованиями надо подышать, после обеда погулять, а потом поспать.

Мы приехали в Вену дней за десять до старта, тренировались нормально, как и полагалось, немного нервничали. К чемпионату нам поменяли костюмы, купили в Чехословакии материал, и они перестали быть блеклыми. Казалось, все развивается нормально, но погубила меня ерунда, в основе которой лежала неопытность. Тренировались мы на маленьком катке, а на большой нас выпустили сразу на соревнования. На тренировочном приходилось сдерживать себя, а здесь я выскочил, и мне показалось, что вообще никаких ограничений у площадки нет, и в «Венском вальсе» на первой же серии – раз, и я за бортик ногой зацепился. Ёкнуло. Захожу на вторую серию – все то же самое. Обидно, вальс получился у нас вполне приличным. Потом блюз. В нем был такой момент: едешь спиной вдоль маленького бортика, ногу поднимаешь и проводишь ею перед собой – опускаешь, выходишь вперед, – у танцоров это называется «кросс-ролл». И опять я по бортику ногой «з-з-зы» – и десятое место, на оригинальный попали уже одиннадцатыми. А я ехал в Вену, предполагая, что станем восьмыми-девятыми. Я в полном трансе, уже никакого удовольствия от чемпионата мира. А в произвольном... То ли мы его выучили очень хорошо, то ли мне он сильно нравился... Публика кричала, оценки оказались невероятные: один судья дал четвертое место, другой – тринадцатое. Никто из арбитров не знал, куда нас поставить, в итоге мы сталидесятыми.

Я уезжал из Вены счастливый: успешно прошел целый этап в своей жизни, попал на чемпионат мира, показал себя, а главное – посмотрел других. Тарасова прибежала, глаза у нее сверкают: «Вы... на показательных!» – а я: «На показательных так на показательных». Никакого удивления, будто бы все так и должно происходить. Даже возмущался, когда на показа-

тельных нас попросили вновь прокатать произвольный танец. Татьяна Анатольевна не ожидала от меня такой наглости.

НАТАША. В Вене вновь проиграла Ира Моисеева. Они с Андреем Миненковым перед чемпионатом еще тренировались на СЮПе у Тарасовой, и никто не знал, что они переходят к Пахомовой, хотя Людмила Алексеевна к ним регулярно приходила, правда, только утром, на обязательные танцы. Известие о том, что они уходят от Тарасовой, для меня было таким же немыслимым, как и то, что нас пригласили выступать в показательных танцах. Я очень устала, соревнования для меня непривычные, я так на них тряслась, что плохо соображала.

Нас взяли в Вену не потому, что мы стали третьим дуэтом в стране. На чемпионате СССР мы оказались пятыми – за Зуевой и Витманом, за Гараниной и Завозиным. Но Татьяна Анатольевна ходила по кабинетам, доказывала: «Бестемьянова и Букин должны поехать в Вену! У них есть будущее!» И ей удалось добиться, чтобы нас взяли на первенство мира. Игорь Александрович Кабанов, который в те годы ведал в отделе фигурного катания Спорткомитета спортивными танцами, тоже считал нас интересной парой и ратовал за то, чтобы мы попали на чемпионат. Конечно, наша поездка в Вену смахивала на авантюру, и уж никто не ожидал, что мы окажемся на десятом месте. Я думала, что нас никто никуда посылать больше не будет.

Спустя месяц мы попали на международный турнир во французский город Морзин. Ах, если бы я не упала в оригинальном танце, мы бы выиграли и у брата и сестры Хандшманн из Австрии, и у Торвилл и Дина! Англичане заняли на чемпионате мира в Вене восьмое, немцы – седьмое место.

Вену я запомнила очень хорошо. Мы жили коммуной и шатались всюду большой компанией – Моисеева и Миненков, Бобрин и Букин, я и Наташа Стрелкова, одиночница из Ленинграда. Все собирались в нашем с Наташей номере, как в штабе. Прошло несколько лет, и все изменилось: отныне каждый отдыхает у себя и держится во время соревнований замкнуто, а тогда мы толпой уходили гулять каждый вечер на полчаса, чтобы спать хорошо. Если у Бобрина короткая программа, все сидят и ждут Игоря. Он придет, скажет: «Опозорился!» – и отправляемся на прогулку (в Вене Игорь выступал неудачно, но почему-то не очень переживал).

Татьяна Анатольевна ходила какая-то вздернутая, потом я поняла, что это связано с Моисеевой и Миненковым. Она знала, что они, воспитанные ею с детства, от нее уходят, она ничего не смогла сделать: они проигрывают и чемпионские звания не вернут. Она пыталась скрывать свое настроение, но, поскольку я ее хорошо чувствую, мне казалось, что свое плохое настроение Татьяна Анатольевна срывает на мне. На самом деле ее состояние все время передавалось мне, а я дрожала и тряслась. Игорь, посмотрев, как я извожусь, сказал: «У вас такая хорошая программа, вы ее так прекрасно танцуете, что ты волнуешься?» – и я сразу успокоилась. Чего я волнуюсь? Программа же лучшая в мире.

Когда мы закончили произвольный танец, я видела, как радовалась Татьяна Анатольевна. Я думаю, что именно в тот момент она утвердилась в мысли, что с нами нужно работать. Может быть, она повезла нас, не особо веря, что из такой наскоро слепленной пары может что-то получиться? Может, она добивалась нашего участия в чемпионате по какой-то тренерской инерции, мол, надо и все? Но не исключено, что она в нас верила с самого начала.

Меня, конечно, поразило, что нас пригласили выступить в заключительном вечере. Но по-настоящему я заволновалась, когда тур сильнейших, колеся по Европе, приехал в Советский Союз и нас включили в эту компанию для выступления в Москве и Ленинграде. Страх, что в конце концов нас заменят на кого-нибудь более опытного, меня не покидал до выхода на лед. Тогда в стране существовало не меньше пятнадцати танцевальных дуэтов мирового уровня.

Спортивные танцы – единственный вид фигурного катания, который всегда собирает полные трибуны. Но линия развития танцев, по-моему, в 80-х годах начинала загибаться совсем в другую сторону. Танцы во всем мире становились все зрелищнее и зрелищнее, у нас

же требовали, чтобы на первом месте стояла идеальная классическая позиция. Из конца 80-х решили перескочить назад, в конец 50-х.

АНДРЕЙ. Вернулись из Вены в Москву, тренировок не прекращали, но особенно не выкладывались. Немножко гордости появилось и немножко самоуспокоенности – все же мы теперь в сборной, вот и на «мир» съездили. Лучшие фигуристы, совершающие турне по Европе, приехали в Ленинград, Москву и Киев. В Киеве нам не разрешили выступать. Днепропетровцы Карамышева и Синицын входили тогда в сборную Украины, и предпочтение отдали им. Отношения тем не менее у нас сохранялись вполне дружеские, мы из одного спортивного общества, знакомы с детства, десятки раз встречались на сборах. Я учил Ростислава шагам в пасодобле, он учил меня играть в шахматы. Ростик, по-моему, имел шахматный разряд, отец у него шахматный тренер. Я помню, как он мне объяснял движение фигур. Это происходило в сибирском шахтерском городе Глазове, в гостинице, за окнами которой стоял страшный мороз и билась выюга.

Правда, во время соревнований мы с ним не общались, точно так же потом я никогда не разговаривал на турнирах с Дином. Перебросимся парой фраз, но не больше. А зачем? Нервы друг другу трепать?

Через два дня после показательного турне в Москве и Ленинграде надо было лететь во Французские Альпы, в городок Морзин. С ним у нас много чего связано. Но тогда так не хотелось снова соревноваться, тем более что у всех наших знаменитостей начинался отпуск. В доме у Андрюши Миненкова я познакомился с венграми Регёци и Шаллаи, на следующий год они обыграют Линичук – Карпоносова и станут чемпионами. До Морзина я сохранял праздничное настроение, никак забыть не мог, в какую компанию попал. На месте выяснилось, что приезжают брат и сестра Хандшманн (они заявили о себе в Вене, правда, немаловажную роль сыграло то, что они австрийцы), а также малоизвестные англичане Торвилл и Дин. Эта тройка дуэтов, включая нас, и должна была выяснять между собой отношения.

Каток в Морзине нестандартный, на четыре метра с каждой стороны меньше, а группа обязательных танцев та же, что и в Вене, и явственно ощущаются горы: дышишь чаще и устаешь быстрее. И вновь в «Венском вальсе» в одной из серий я зацепился ногой за бортик. Дальше в оригинальном танце чудеса начала вытворять Наташа. В первой серии она споткнулась, во второй – на том же самом месте упала, но я успел ее подхватить, в третьей – снова пыталась упасть.

В Морзине награждали после каждого вида. После обязательной программы мы третьи, после оригинального танца – третьи. А произвольный выиграли. Но в итоге остались третьими, тогда еще не ввели преимущества произвольной программы перед другими, существовала так называемая сумма баллов. Нам дали два маленьких колокольчика и один большой – такие в Морзине придумали призы. Колокол я дома поставил, и много лет в него собирали монетки – мелочь, остающуюся после поездок.

К Олимпиаде в Лейк-Плэсиде (это станет нашей традицией) мы готовили «Русский танец». Трехчастный. Ничуть не легче чаплинского. Но теперь мы стали умнее и не нуждались во множестве повторов каждого куска на тренировках. Очень серьезно занимались обязательными танцами. Большой усталости я не чувствовал, но она появилась, к несчастью, на последнем сборе перед Олимпиадой. Может, сыграло свою роль то, что мы неудачно выступили на чемпионате Европы, проходящем накануне зимних Игр? Спустя несколько лет я узнал, что Павлов, в то время председатель Спорткомитета, пообещал Татьяне Анатольевне, что тот, кто выиграет поездку на чемпионат Европы, поедет и на Игры. В октябре мы вчетвером – еще и Карамышева с Синицыным – поехали на турнир в Голландию, где советский судья даже снялся с соревнований, чтобы не влиять на ситуацию. Наша олимпийская программа победила. А в сентябре мы выступали в Штатах на предолимпийской неделе и неожиданно для себя

оказались вторыми, пропустив вперед лишь венгров Регёци и Шаллаи. Я уже говорил, что на следующий год они стали чемпионами мира.

Тот небольшой бум, связанный с нашей «чаплинской» программой, сохранился до Лейк-Плэсида, иначе чем объяснить наше второе место на предолимпийской неделе? Правда, мы сильно прибавили в обязательных танцах. Залезали на тренировку к Родниной, но, чтобы не мешать, без музыки. Однако и три часа своего льда не пропускали. Зная крутой характер Родниной, мы делали все возможное, чтобы не попадаться ей не только под ноги, но и на глаза. Тихо отрабатывали в уголке катка элементы. Роднина восстанавливалась после родов, и восстанавливалась хорошо, так что она не очень нервничала. Потом, когда пошли серьезные нагрузки, ее состояние поменялось, они с Сашей стали другими людьми.

НАТАША. С мая в Одессе мы начали готовить новую программу. Мы верили, что можем попасть на Олимпийские игры, знали, за что боремся. Но все равно меня не покидал постоянный страх: возьмут – не возьмут? Только успокоись, снова те же мысли. Я опять поправилась и ходила вся какая-то нескладная, все меня ругали. Татьяна Анатольевна велела похудеть. Я совсем перестала есть, а за неделю до отъезда на первый тренировочный сбор начала еще и бегать.

К Одессе я похудела на пять килограммов и перестала спать, а до этого проваливалась в сон как убитая. Подолгу гуляла вечером, но ничего не помогало, никаких таблеток тогда я не пила. Татьяну Анатольевну целиком занимала вернувшаяся на лед после рождения сына Роднина, но и нас она гоняла нещадно.

На предолимпийской неделе мы выиграли у четвертой танцевальной пары в мире, канадцев Уайт и Даунинг. Это огромный успех. Я так радовалась, надеялась, что все мои страхи позади, но не тут-то было.

На турнире Les Nouvelles de Moscou мы выигрываем у Карамышевой и Сеницына – наших главных соперников за третье место в сборной, а спустя месяц на матче сильнейших (он проводился в олимпийский год вместо чемпионата СССР) – проигрываем. И все начинается заново. Наш успех в Америке никого не волнует, вновь возникает вопрос: кто поедет в Лейк-Плэсид? И вновь Татьяна Анатольевна совершает невозможное, доказывая, что перспектива за нами, после чего мы с Андреем отправляемся на чемпионат Европы. А там я падаю в произвольном танце. С той минуты я не сомневалась, что из олимпийской команды нас выведут. Мы заняли «на Европе» шестое место, выше все равно подняться не могли, но и вниз не опустились. Падение не сыграло никакой роли в распределении мест, но существовал сам факт падения. А если она упадет на Играх? За неделю до Олимпиады я не знала, чем закончатся тренерские споры. Нас пригласили на общее собрание, после чего олимпийцы должны были отправиться за формой – экипироваться. Я сидела рядом с Андрюшей и дрожала – едем или не едем? Это сейчас я понимаю, что за неделю состав команды, во всяком случае в фигурном катании, не меняют.

Насколько я была легка и хороша в Лейк-Плэсиде в сентябре, настолько спустя четыре месяца, когда мы приехали на Олимпиаду, все выглядело наоборот. Все же выложились мы прилично – и предолимпийская неделя, и турнир в Москве, и матч сильнейших, и рано начали сезон... Пусть и молодые, а не выдержали. Накануне Игр я понимала, у меня уже нет сил, я машинально исполняю программу, делаю что полагается, но свежесть, или, если можно так сказать, одухотворенность – исчезла. Я падала на тренировках даже в Америке.

Но выступили мы вполне прилично, хотя заняли ужасное восьмое место. Я была уверена: теперь уж точно на нас поставят крест. К тому, что мы не попали на чемпионат мира, я была готова. Когда сообщили, что Карамышева и Сеницын в итоге шестые, я поняла: с нами все кончено. Потом выяснилось, что две ведущие пары чемпионат пропустили, следовательно, они заняли то же место, что и мы на Олимпиаде, не выиграв ни у кого из тех, кого и мы обыграть не

смогли. Страшные переживания длились до тех пор, пока с чемпионата не приехала Татьяна Анатольевна. Рядом с ней я успокоилась.

АНДРЕЙ. В тот год, когда мы попали в основной состав сборной, Ольга начала работать тренером и так рьяно взялась за дело, что даже приносила домой коньки детей из всех групп, чтобы я их наточил. Я взял у тренера на СЮПе, бывшего партнера Тарасовой Георгия Проскурина старый моторчик и начал дома точить лезвия. В школе, где работала Ольга, занималось сто пятьдесят ребят, сто из них катались на коньках, заточенных мною.

Качество отечественных детских коньков – отдельный разговор. Я не знаю, как можно научить ребенка кататься, если на лезвии необходимо перетачивать всю кривую. Я на кухне, вечером, приходя с тренировок (мы еще с Ольгой порознь жили), весь в грязи – металлическая пыль летит же во все стороны, – набивал себе на точке детских коньков руку.

Наконец я попробовал поточить лезвие для себя. Получилось. Но не с первого раза. Одно дело детский ботиночек, другое – собственный лапоть, рука задрожала. Детям не страшно ошибиться – идеальное лезвие им не нужно, а вот себе... Так получилось, что Проскурин, который тогда точил нам с Наташей коньки, уехал, и я перед соревнованиями, никому не говоря ни слова, сам взял и настроил себе лезвия. Как ни странно, получилось хорошо. А Наташка то ли не захотела рисковать, то ли я ей о собственном умении ничего не сказал, осталась на старых лезвиях. Мне скользить было легко, а она слегка «ковыряла».

На чемпионате Европы Наташа «вернула долг», в произвольном танце «улетела» от меня. Она тогда еще не научилась управлять собой, и если у нее эмоции перехлестывали через край, меня уже не волновало, как я буду выглядеть, главное – успеть ухватить партнершу. Я катался и твердил про себя: «Только бы сил хватило, только бы сил хватило». Ничего особенного я не делал – лишь внимательно следил за ней, но от этого уставал страшно.

...Шла наша первая неделя в Америке. Седьмой день акклиматизации – самый тяжелый. И он совпал у нас с прокатом на тренировке произвольной программы. Первая часть – чувствуешь себя нормально. Вторая часть – уже поджигает, сил почти нет, последние вычерпываешь. А в третьей у нас был момент – тормозишь, а после надо набрать ход. Самолет когда больше всего забирает горючее? На взлете. И только разгонишься – снова надо остановиться. Тут я понял, что если не закричу, дальше не двинусь. Как раз в этом месте у нас перетопочка цыганская. Вот на ней я как заору! Во всю глотку. Андрюша Миненков и Гена Карпоносов уже свои программы откатали, стояли у бортика. Как же они шарахнулись в разные стороны, решив, что мешают мне кататься и я, такой нахал, кричу на ветеранов! Единственный раз в жизни, когда я себя подстегнул таким образом.

Сначала, пока акклиматизировались, тренировались под Бостоном, я жил в комнате вместе с Бобриным. Но в Лейк-Плэсиде, в Олимпийской деревне, в будущей тюрьме для малолетних правонарушителей, меня поселили в одной «камере» с Сашей Зайцевым.

От Бостона до Лейк-Плэсида сборная добиралась на автобусе. Сказали, что дорога займет пять часов, через три смотрю – табличка «Лейк-Плэсид». Думал, надо же, два часа экономии. А в итоге прошло еще четыре, пока мы добрались до своих комнат. Сперва заехали в настоящую тюрьму. Как нас туда пустили, уму непостижимо! Шофера спросили: «Знаете, где Олимпийская деревня?» Он не в курсе. Кто-то ему дал ориентир: «Ну там, где тюрьма». Остановились у какого-то поста, водитель выяснил, куда ехать, смотрим, все как и обещали: недалеко от города, в лесу, среди деревьев, пятиэтажное здание, проезжаем за ограду, а в окошках торчат настоящие зэки. Александр Веденин, руководитель делегации фигуристов, за сердце хватается. Понятно, что не туда забрались, что это место никак не связано со спортивным праздником.

Наконец добрались до Олимпийской деревни. После долгой процедуры: собаки обнюхивали багаж, потом его просвечивали, нас аккредитовывали. Мы наклеили на чемоданы бирки, кто в каком блоке живет, и всех развезли по женским и мужским отделениям. В Сараеве этого уже не было, команда жила в одном доме.

Определили нам с Зайцевым комнату в три квадратных метра. Общий холл еще ничего, в яркие цвета покрашен, а комната – точно камера. Кровати ярусом. Стол маленький, над ним полки из сетчатой проволоки, покрашенной в цвет стены. Туалета нет, только умывальник и один маленький шкафчик на двоих, а у нас одних костюмов на четыре таких шкафа. Дверь в комнату открывалась с трудом: упиралась в сумки.

Окошко – сантиметров пятнадцать шириной, матовое. Между этажами огромные щели и дыры к боковым соседям. Если тебе надо отдыхать – подушку на голову. Душ общий, туалет общий.

С Сашей жить оказалось легко, может, потому, что мы почти не пересекались, а когда встречались, он всегда шутил. Притом что ситуация у него с Ирой складывалась острейшая: в олимпийские чемпионы тащили американцев, прошлогодних победителей первенства мира Бабилонию и Гарднера. Зайцев с Родниной выиграли более чем убедительно, а на следующее утро он заныл: «Хочу домой». Я его просил: «Прекрати». А он: «Вот выступишь, тогда меня поймешь, после показательных первым же рейсом домой».

Я действительно через пару дней понял Зайцева. Первый день без соревнований еще ничего, наконец свободен. Пошел в зал игровых автоматов. Поиграл. Но и там ужасно. Маленькая комната, пробраться к автоматам невозможно, сгрудились вокруг них все, кто уже закончил выступать. Каждый на «своем» автомате стал профессионалом, я – любитель. Побил-побил по клавишам, чувствую – голова опухла, понял – долго так выдержать не смогу, и отправился спать.

НАТАША. В Лейк-Плэсиде я жила вместе с Ирой Родниной. Нам досталась отличная камера, крайняя в коридоре и широкая. В отличие от других нам удалось разобрать двухъярусные нары и поставить рядом две кровати. Когда к нам заходили Татьяна Анатольевна или Елена Анатольевна, мне становилось стыдно. Они тоже разобрали свои нары, но в их камере да с их габаритами повернуться было негде, а у нас получилось просто шикарно.

Роднина выступала первой, я нарисовала ей плакат с надписью: «Поздравляю!» и повесила его снаружи, чтобы Ира порадовалась, когда вернется домой. Роднина – человек закрытый. Но ситуация заставляла и ее, непобедимую, волноваться. С ней все время кто-то находился рядом, она любила собирать вокруг себя людей. Для меня это странно, мне любое соседство мешает. И Чайковская, и Тарасова, по очереди и вместе, регулярно заходили к нам и говорили Родниной, какая она хорошая и какая великая. Наверное, в эти дни она нуждалась именно в такой поддержке.

Сначала я ходила за ней как хвостик. Понимала, какие перед ней стоят задачи (третий раз выиграть Олимпиаду!), и боялась лишний раз в комнате о себе напомнить, сидела мышкой тихо в углу. Я уже потеряла перед соревнованием сон: так бывает всегда, особенно если рядом кто-то находится, а Ира спала прекрасно.

Первое место, куда мы попали в Лейк-Плэсиде, – это полиция. Ира, Саша и я пошли гулять не по территории деревни, а вдоль ограды с наружной стороны. По пути мы встретили полицейскую машину. Наверное, дежурный должен был по радию передать на следующий пост о гуляющих спортсменах, но он спал, и, когда мы дошли до следующей машины, нас сразу же задержали. Боже, какого же страху я натерпелась! Сейчас меня отошлют домой! Родниной и Зайцеву ничего не сделают, а меня отправят в Москву за то, что я гуляла не там, где надо. Вызвали кого-то из Спорткомитета, Роднина сказала, что это чуть ли не заместитель Павлова. Они смеются, а мне совсем не весело, нас целый час держали в этом лесном участке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.